

ПЛЕННЫЕ ВЕЛИКОЙ АРМИИ, ОСТАВШИЕСЯ В РОССИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Вопрос о пленных, оставшихся в России, важен уже потому, что речь идет фактически об очередной волне европейских эмигрантов, обосновавшихся в России и, как можно предполагать, оставившей свой след в истории российского общества. Эта волна имела свои специфические особенности, состоявшие в том, что ее представители, в отличие от аристократической эмиграции эпохи Великой французской революции, были выходцами из средних и низших слоев европейского общества и осели преимущественно в провинции, отнюдь не избалованной европейскими влияниями. О том, что появление пленнх Великой армии и решение некоторых из них остаться в России, являлись заметными культурными событиями в жизни провинциального общества свидетельствуют хотя бы то, что с ними связан один из ярких сюжетов в устных воспоминаниях деда М. Горького, слышанных писателем в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. и зафиксированных позднее в повести «Детство»¹. Сюжет об оставшихся в России пленнх наполеоновской армии рассматривался в современной историографии, в частности в работе В.Г. Сироткина². Однако в целом вопрос изучен явно недостаточно. Фигурирующее в современной литературе утверждение о том, что не менее 60 тысяч пленнх приняло русское подданство не находит документального подтверждения. Спорно и мнение, высказанное И. П. Сахаровым, что пленные, оставшиеся в России, продолжали оказывать влияние на русское общество вплоть до 1820 г.³ Особенностью источников по данной проблеме является то, что сведения о большом количестве оставшихся в России пленнх содержатся в позднейших мемуарах иностранцев, в публицистике и европейской прессе. Российские же документальные данные, синхронные событиям, о численности пленнх ограничены. Неполнота и неточность учета сведений как о пленнх 1812 г. в целом, так и о тех, кто остался в России, становится весьма важным обстоятельством, затрудняющим работу исследователей. Поэтому уточнение на основе российских архивов как численности волны эмигрантов 1812 г., причем с учетом ее колебания во времени, так и национального и профессионального состава оставшихся в России и их рода занятий в новом отечестве являются основными задачами. Важное значение для понимания правительственной политики в отношении оставшихся в России пленнх имеет изучение истории формирования законодательства по этому вопросу.

Предложение пленнм остаться в России было прямым продолжением политики использования их в экономике страны во время пребывания в плену. Широкая основа этой практики была заложена решением Комитета финансов от 29 декабря 1812 г. и соответствующим циркулярным предписанием главнокомандующего в Петербурге и

управляющего Министерством полиции С. К. Вязмитинова от 14 января 1813 г. Подробно об использовании труда пленных еще в период войны, - что было обусловлено прежде всего заботой о сокращении средств на их содержание и стремлением использования опыта специалистов-иностранцев в разных областях хозяйства, - писали в своих работах В. Г. Сироткин и В. А. Бессонов⁴. Однако по мере того как перспектива завершения войны становилась все более отчетливой, а следовательно приближалось время возвращения пленных, власти стремились сохранить возможность использовать в экономике различного рода специалистов, оказавшихся в составе Великой армии в России.

Одновременно и сами некоторые пленные стремились к более глубокой интеграции в русское общество. Так уже на заседании 21 января 1813 г. Комитет министров рассматривал внесенную Вязмитиновым записку о желании нескольких пленных в Саратовской губернии принять греко-российскую веру. Саратовский губернатор ставил перед петербургскими властями вопрос, следует ли после крещения считать их по-прежнему военнопленными, или *«дать им свободу на избрание рода жизни»*. Комитет решил дозволить крестившимся в православие пленным избрать род жизни только в том случае, что если они примут еще и присягу на подданство⁵. 31 января Комитет рассматривал еще одну подобную записку Вязмитинова. В ее основу было положено донесение тамбовского гражданского губернатора, сообщавшего, что семеро военнопленных, находящихся в его губернии просят разрешить им принять православие, вступить в подданство и избрать род жизни. Комитет удовлетворил просьбу и этих пленных⁶.

Согласно указу императора, объявленному министром внутренних дел губернаторам, от 4 июля 1813 г. приводить к присяге на местах разрешалось лишь нижних чинов, о желающих же вступить в подданство офицерах следовало доносить в Министерство полиции. Губернским властям также надлежало следить за тем, чтобы этим не *«могли воспользоваться иногда люди вредные или подозрительные»*⁷. В тот же день на основании указа Вязмитиновым было издано соответствующее циркулярное предписание⁸. Как можно предположить на основании текста журнала Комитета министров от 9 и 19 сентября 1813 г., поводом к появлению указа было представление смоленского гражданского губернатора о просьбе нескольких пленных немецких наций (саксонцев, вюртембергцев и др.) о вступлении в российское подданство⁹. 5 августа 1813 г. в связи с наплывом присягнувших пленных нижних чинов в Петербург Вязмитинов издал предписание, согласно которому губернаторы должны были прямо прописывать в паспортах новых подданных из пленных запрет на въезд в обе столицы. Во всех других городах им жить разрешалось, однако прибытие в Москву и Петербург для таких лиц было возможно лишь при наличии особого повеления. В предписании говорилось и о 9-месячном сроке, в течение которого после присяги пленные должны были избрать род жизни. В документе также отмечалось, что прием пленных в подданство осуществляется по высочайшему повелению на основании обыкновенных

правил¹⁰. Это предписание через Аракчеева было представлено царю и получило одобрение¹¹.

Мотивы запрета на въезд присягнувших пленным в столицы, которыми руководствовался главнокомандующий в Петербурге, видны из журнала Комитета министров от 8 августа. Сообщая Комитету об изданном предписании, Вязмитинов писал, что прибывающие в Петербург пленные занимаются в основном *«мастерствами и ремеслами, кои столица сия изобилует, а потому и не будут в состоянии снискать себе пропитания»*. Подтверждалось это тем, что *«некоторые из них начали тотчас по прибытии ходить по миру и просить милостыни»*, и Вязмитинов *«обратил их в губернии, ибо они там удобнее себе найти пропитание могут»*. Другим важным обстоятельством было то, что в Петербург по разрешению Комитета министров прибывало много иностранцев из Северной Германии, бежавших *«от насильствий неприятеля»*. Наконец, имея в виду высочайшее повеление о разборе иностранцев, Вязмитинов опасался, что при наплыве выходцев из Европы в столицу среди них могли оказаться *«люди вредные и подозрительные, за коими иметь наблюдение самое число их затрудняет»*¹².

Согласно предписанию от 19 августа губернаторы должны были доставлять в Министерство полиции разнообразные сведения о новых подданных из пленных (национальность, вероисповедание, место рождения, социальная принадлежность, возраст, служба, семейное положение, местонахождение родственников, образование и профессиональный опыт, предполагаемый род занятий в России). Губернаторы должны были оказывать бывшим пленникам при условии их добропорядочного поведения помощь, *«ласковое обхождение»*, защищать от притеснений, приглашать специалистов работать на частные и казенные фабрики и заводы. Поляки к приему в подданство не допускались и по-прежнему должны были отсылаться в Сибирь и на Кавказ¹³.

На заседаниях Комитета министров 9 и 19 сентября 1813 г. рассматривался целый комплекс вопросов о военнопленных, оставшихся в России, и их использовании в экономике страны. Основой обсуждения послужили записка министра внутренних дел О. П. Козодавлева и две записки С. К. Вязмитинова.

Как говорилось в записке Козодавлева, еще в 1812 г. императору *«угодно было изъявить ему изустно свою высочайшую волю относительно употребления пленных на фабриках»*. Тогда же министр внутренних дел сносился с главнокомандующим в Петербурге Вязмитиновым, *«но дело сие остановилось за справками о числе и местопребывании таковых военнопленных»*¹⁴. Летом 1813 г., находясь в Риге, он получил через Аракчеева высочайшее повеление о *«разрешении рижского военного губернатора относительно донесения его о некоторых пленных, изъявивших желание остаться в России и особенно знающих какое-нибудь ремесло»*. Козодавлев тут же запросил мнение по этому вопросу самого рижского военного губернатора, маркиза Ф. О. Пауллуччи, который сообщил, что на данный момент в Риге находится лишь столько пленных, сколько

необходимо для крепостных работ, но что из нескольких тысяч пленных, проводившихся через Ригу многие просили об оставлении их в России, что и побудило его обратиться к императору. Составляя донесение Александру I Паулуччи мыслил масштабно, он имел *«в виду не одних военнопленных, состоящих во вверенных ему губерниях, где по близости границы оных кроме назначенных для крепостных работ, вовсе не находится, но вообще всех пленнх, размещаемых по всему пространству России»*. Козодавлев, основываясь на данном ему императорском повелении, позволил маркизу объявлять всем желающим остаться в России пленным, чтобы они обращались по этому вопросу *«к местным начальникам губерний»*¹⁵. Сам же министр внутренних дел планировал по возвращении в столицу урегулировать данный вопрос с Вязмитиновым. Паулуччи со своей стороны также проявил инициативу и представил Козодавлеву пространное мнение, в котором сформулировал свое видение проблемы. Маркиз констатировал как желательность увеличения населения России в принципе, так и пользу переселения ремесленников не только по соображениям экономической выгоды, но и по их нравственности, *«которая редко бывает развращена в людях, занятых видимою работою»*. Тем не менее, желающие остаться в России должны были *«подтвердить свое благонамерение»* присягой в вечном подданстве. По мнению Паулуччи, ремесленников следовало распределять на казенных фабриках и заводах, не препятствуя, впрочем, и частным людям брать их к себе под расписку и *«на ответственность»*, пока, заработав некоторый капитал, бывшие пленники смогут вступить в цех или записаться в мещане. Кроме того, их предполагалось на 10 лет со дня вступления в подданство освободить от рекрутской повинности. На ответственность и под расписку *«самых благодетельных людей»* можно было, по мнению рижского военного губернатора, сдавать на тех же условиях и тех, пленнх, кто не знает никакого ремесла. Вместе с тем, Паулуччи проявил и своеобразный служебный эгоизм, предлагая не предоставлять в течение 1813 г. указанную выше возможность пленным, занятым на крепостных работах, чтобы *«не делать остановки в оных»* в связи с нехваткой вольных работников. Впрочем, крепостные начальники, могли, оставив в своем ведении нужных им работников и ремесленников, отправить прочих в старорусские губернии, не считая уже оставшихся в крепостях и присягнувших пленными и по назначению руководителей работ прибавляя им плату и предоставляя *«соразмерные трудам их и поведению выгоды»*. Для не решившихся присягнуть ремесленников, не занятых на крепостных работах, тоже оставалась возможность поступить под расписку к кому-либо из заводчиков или помещиков, если бы они конечно на то согласились. Расчет делался на то, что *«познав опытом благоденствие, которым пользуются российские подданные»*, пленники, *«может быть, пожелают сделаться оными»* и уж во всяком случае облегчат казенные расходы и *«будут употреблены с пользою»*. Одновременно Паулуччи учитывая требования безопасности государства, полагал, что бывшие пленные в течение 10 лет не могли находиться ни под каким предлогом в

польских и Курляндской губерниях, как наиболее близких к границам, а также в обеих столицах и в азиатских крепостях. Азиатские крепости, видимо упомянуты не случайно, поскольку маркиз с 1810 г. служил на Кавказе, а в 1811-1812 гг. даже был главнокомандующим в Грузии. Вместе с тем, желающих вступить в военную службу, он предлагал зачислять лишь в полки, находящиеся в азиатских пределах, имея очевидно в виду, что бывшие пленные могли изменить преимущественно в войне с европейскими противниками. Практическое исполнение перечисленных мер возлагалось на губернаторов. Руководители старорусских губерний должны были сами принимать у пленных присягу, размещать их на казенные предприятия или отдавать под расписку частным лицам. Руководителям же тех губерний, где жительство пленным воспрещалось, вменялось в обязанность, приняв у желающих присягу, отправлять их в старорусские губернии по выбору самих новых подданных. Вплоть до определения пленных на предприятия или «*в частные дома*» они оставались на содержании казны. Все начальники крепостей и губерний должны были предоставлять в МВД подробную отчетность¹⁶. Козодавлев направил проект Паулуччи через Аракчеева царю, снабдив его некоторыми комментариями. Он предлагал раздавать пленных в первую очередь частным лицам, причем плата и содержание им должны были производиться на основании условий, заключаемых под надзором местного начальства, что, по-видимому, мыслилось как гарантия от злоупотреблений. Оставшихся после распределения частным лицам и на частные фабрики присягнувших пленных следовало размещать на аналогичных условиях по казенным предприятиям. Приоритетное право в получении новых трудовых ресурсов для частных предприятий и лиц обуславливалось принципиальной позицией министра, который в соответствии с европейской практикой и теоретическими сочинениями, полагал, что частные фабрики приносят казне больше прибыли. Одновременно, во избежание иллюзии, будто бывшие пленные отдаются в крепостную зависимость, он считал нужным записывать их в мещане, освобождая на некоторое время (например, на 10 лет) от всех повинностей и податей. Все это позволило бы, сократив издержки казны, получить квалифицированные кадры. Кроме того, Козодавлев особо оговорил, что пленных можно размещать в Эстляндской и Лифляндской губерниях, поскольку они уже более 100 лет находятся в составе России. Кроме проекта Паулуччи и замечаний на него министр внутренних дел одновременно направил царю и свой собственный проект правил приема пленных в российское подданство. В этот проект вошли пункты о приоритетности предоставления трудовых ресурсов частным предприятиям и лицам, о необходимости заключать контракты с бывшими пленными на договорных условиях под надзором властей, о приписке их в мещане с освобождением от податей на 10 лет, «*яко новых подданных, не имеющих еще оседлости и собственности*». Закрытыми для пленных оказывались губернии бывшей Польши, а также Курляндия и Финляндия. Те, кто знал ремесла, но не мог в силу их специфики употребляться на фабриках (садовники, портные,

сапожники), имели право остаться в городах мастерами с припиской к мещанству или поступить на контрактных условиях в наем к частным лицам. И наконец, губернское начальство должно было представлять подробные отчеты в МВД. Таким образом, по сравнению с вариантом Пауллуччи проект претерпел существенные изменения: вводился приоритет частных предпринимателей перед казенными заводами и фабриками, не учитывались особые интересы военного ведомства, строившего крепости, сфера действия проекта сократилась, поскольку правила распространялись только на присягнувших, был скорректирован список закрытых для бывших пленников губерний, наконец социальный статус самих этих лиц должен был определиться сразу после присяги¹⁷. Император «*апробовал*» в целом проект Козодавлева, повелев, однако, представить его на рассмотрение Комитета министров¹⁸. В связи с обсуждением в Комитете Вязмитинов напомнил и все предыдущие распоряжения по данному вопросу¹⁹. Рассматривая проект Козодавлева, Комитет отметил, что поскольку новые подданные имеют право на все преимущества, предоставленные российским подданным вообще, то определять принявших присягу пленников на предприятия без их собственного согласия не следует, и предложил свой проект правил, в котором были учтены как принятые ранее нормы, так и высказанные в процессе обсуждения соображения. Военнопленным, желающим вступить в подданство России, по принятии присяги предоставлялось право проживания во всех губерниях, кроме приобретенных от бывшей Польши, а также Курляндии, Финляндии, Бессарабии, Белостокской и Тарнопольской областей, а также обеих столиц. Срок, в который после присяги пленные должны были избрать себе род жизни, сокращался с 9 месяцев до 2-х, причем особо оговаривалось, что данная норма обратной силы не имеет. Не избравшие в указанный срок рода жизни считались вредными, подозрительными и с ними следовало поступать как с бродягами. Тем из присягнувших, кто знал ремесло или хотел работать на фабриках, предоставлялась возможность «*по их добровольному желанию, без малейшего принуждения*» определиться на частные и казенные предприятия «*по взаимному с держателями и управляющими согласию и условию*». Во избежание недоразумений по незнанию пленными языка и российских законов, такие условия должны были заключаться под надзором местного начальства. Присягнувших пленников ремесленников следовало записывать в мещане, с освобождением на 10 лет от всех податей и повинностей. Те из присягнувших пленников, которые в силу специфики их профессий, не могли найти себе места на предприятиях – сапожники, портные, садовники и пр., - могли после приписки к мещанству оставаться в городах мастерами или определяться по найму к частным лицам. Подробные данные обо всех присягнувших местные губернские начальства должны были сообщать в МВД²⁰.

Этот проект поддержали все присутствовавшие члены Комитета, кроме обер-прокурора Синода князя А. Н. Голицына, который заявил, что в

подданство следует принимать только ремесленников и мастеровых, поскольку *«не знающие ремесла не принесут государству пользы»*²¹.

Таким образом, проект в целом эволюционировал в сторону большей степени защиты прав и интересов новых подданных и большей определенности их статуса. Кроме того, из проекта исчезли статьи, отражавшие ведомственные интересы военного ведомства, заинтересованного в рабочих руках для строительства крепостей, а также МВД, стремившегося к приоритетному развитию частного предпринимательства, что членам Комитете министров казалось, видимо, слишком радикальным.

Правила, утвержденные Комитетом министров, были направлены при циркулярах Вязмитинова от 4 ноября (в котором также подтверждалась необходимость исполнения норм предписания 19 августа) и Козодавлева от 7 ноября²². Впрочем, ограничения пленных в праве выбора места жительства иногда делались и местной властью – некоторые губернаторы не позволяли присягнувшим пленным селиться в губернских городах. Этим было вызвано циркулярное предписание Министерства полиции от 27 ноября, где особо оговаривалось право бывших пленным жить не только в уездных, но и в губернских городах (с учетом ограничений введенных правилами Комитета министров). Более того, местным властям предписывалось оказывать таким лицам *«пособие и призор»*, сообразуясь с местными условиями и потребностями.²³

Вскоре возник вопрос и о льготах для колонистов. В начале 1814 г. саратовская контора опекунов иностранных поселенцев донесла в Министерство внутренних дел, что из числа военнопленных, принявших присягу на подданство, 45 человек пожелали обосноваться в тамошних колониях. В связи с этим она ходатайствовала, чтобы им была предоставлена такая же льгота по податям и повинностям, которая была дана ремесленникам, приписавшимся по городам в мещане. Кроме того, контора выразила опасение, что общества колоний могут не согласиться принять пленным в свои члены, *«дабы не допустить лишних людей к соучастию в землях и других выгодах, хотя многие частные хозяйства весьма охотно желают принять их в свои семейства»*. При рассмотрении вопроса министр внутренних дел принял во внимание, предшествующее законодательство. С одной стороны, это было высочайше утвержденное 29 декабря 1812 г. решение Комитета финансов, согласно которому пленным, принадлежащим *«к классу земледельцев»*, предлагалось поселиться в колониях, причем на первых порах зарабатывать в домах поселенцев, которые согласятся их принять, а затем получить участки земли и для себя. На основании этого решения было издано циркулярное предписание Вязмитинова от 14 января 1813 г. О переходе в подданство и возможности остаться на жительство в России речь в этих документах не шла, но идея предоставления пленным земли, а следовательно и обзаведение собственным хозяйством была явно ориентирована на такую перспективу. С другой стороны, министр внутренних дел учитывал, что при производящемся межевании в саратовских

колониях, по высочайшему указу, в случае если на душу приходилось менее 20 десятин земли, ее размер следовало увеличить до указанной нормы. В связи с этим Козодавлев предписал конторе следить, чтобы *«никому из колонистов не было воспрещено»* присягнувших на подданство пленных *«принимать к себе по взаимному соглашению в работу, в соучастии в каком-либо ремесле или промысле и присоединять их к своим семьям союзом брака, приписывая их к тем колониям, где они остаться пожелают, для чего и дать им законный срок»*. Тем же, кто хотя бы в перспективе был в состоянии основать собственное хозяйство, министр предписывал предоставить право на получение от колонии усадебного места, 20 десятин земли и на пользование общим выгоном. О своем распоряжении Козодавлев сообщил Комитету министров, предложив также распространить на вступающих в колонисты пленных десятилетнее освобождение от всех податей и повинностей, предоставленное законодательством иностранным поселенцам, а положением Комитета министров от 19 сентября 1813 г. введенное и в отношении пленных, которые приписываются в мещане. На заседании 17 апреля 1814 г. Комитет министров утвердил это предложение²⁴.

Правительственная политика, направленная на стимулирование пленных остаться в России, что было обусловлено соображениями внутренней экономической политики, почти сразу же столкнулась с другой политической линией – необходимостью постепенного возвращения пленных, которая диктовалась условиями политики внешней. Как известно, 23 мая 1813 г. Вязмитинов издал предписание об освобождении из плена австрийских пленных и возвращении их через местечко Радзивилово Волынской губернии²⁵. Однако некоторые из них по прибытии туда изъявили желание остаться в России и принять присягу. Новоградволынский земский исправник представил управляющему Волынской губернией сенатору М. И. Комбурлею список из 84 желающих связать свою дальнейшую жизнь с Россией, среди которых были представители разных профессий - ткачи, сапожники, портные, хлебопашцы. Поскольку все необходимые меры к отправке австрийцев за границу были уже предприняты, Комбурлей оказался в затруднительном положении и обратился к главнокомандующему в Петербурге, который в свою очередь внес вопрос в Комитет министров. Комитет 26 июля 1813 г. решил, что возвращать следует лишь тех австрийцев, которые сами того пожелают, и предписал Вязмитинову оставить просителей в России. Однако, в связи с тем, что *«политические сношения наши с Австрией неизвестны и дабы не подать Австрии повода к неудовольствиям»* Комитет положил упомянутых пленных к присяге не проводить, а вынести вопрос на рассмотрение императора²⁶. Вязмитинов же расширил сферу действия постановления Комитета министров и на другие губернии, разослав 29 августа всем губернаторам со ссылкой на решение Комитета соответствующее предписание²⁷. Обращался ли тогда Вязмитинов к императору, неизвестно, но потенциальные российские подданные из австрийцев продолжали еще целый год содержаться на казенный счет как пленные. В итоге управляющий Волынской губернией вторично обратился к

Вязмитинову, который после того представил всеподданнейший доклад царю. Александр I повелел принять желающих остаться в России австрийцев в подданство и позволить им избрать род жизни. 18 августа 1814 г. соответствующие предписания были направлены управляющим Министерством полиции начальникам губерний, а 28 августа информацию об этом принял к сведению Комитет министров²⁸.

В заключенных после войны соглашениях возможность перехода части пленных в подданство противника не предусматривалась, а Франция и многие другие противники России превратились в союзников. После прекращения военных действий по конвенции, заключенной с Францией 11(23) апреля 1814 г. обе стороны обязывались отпустить всех пленных без выкупа и обмена. Для передачи пленных обе стороны назначали комиссаров. По конвенции, подписанной с Францией 16(28) мая 1814 г., пленные должны были быть доставлены за счет России к ее границам и переданы комиссарам противной стороны. При этом стороны ссылались на *«стародавний обычай»*²⁹. Еще 13 мая 1814 г. последовало циркулярное предписание о полной репатриации пленных всех наций³⁰.

5 августа 1814 г. Вязмитинов, ссылаясь на решение Комитета министров, издал предписание, согласно которому пленным французам, изъявившим желание вступить в подданство России после повеления об отправлении их в отечество, в этом праве отказывалось. Поводом к решению Комитета министров, которое состоялось 26 июня, стало внесенное Вязмитиновым представление новгородского вице-губернатора (исправлявшего должность губернатора), сообщавшего, что некоторые проходящие через Новгородскую губернию на родину пленные просят об оставлении их в России, и даже специально ради этого отстают от партий³¹. Более того, императорским указом от 17 августа возвратиться в отечество получали право и пленные, уже присягнувшие России (соответствующий циркуляр Министерства полиции появился на следующий день, 18 августа)³². 21 августа информацию об этом принял к сведению Комитет министров³³.

Вместе с тем по завершении войны для принявших подданство пленных художников, мастеровых и ремесленников были сняты введенные в 1813 г. ограничения по местам проживания. Этот вопрос рассматривался по записке Вязмитинова на заседании Комитета министров 10 октября 1814 г. В качестве мотива Вязмитинов приводил изменение политических обстоятельств и просьбы некоторых присягнувших и избравших род жизни бывших пленников о разрешении поселиться в Петербурге. Он предлагал Комитету определить, «если нужно», условием для проживания пленных, в тех местах, где ранее им находиться не позволялось, *«предоставление ими о добропорядочном своем поведении свидетельства от тех мест, где они находились, или от заслуживающих уважения особ, коим учинились известными»*. Однако Комитет счел подобное условие излишним и предоставил бывшим пленным *«свободу водвориться в столицах и прочих губерниях и областях Российской империи на общих правилах, для подданных российских существующих»*³⁴. Это решение Комитета министров

и было объявлено в циркулярном предписании, направленном губернаторам С. К. Вязмитиновым 3 ноября 1814 г.³⁵ Впрочем, после бегства Наполеона с Эльбы изданным на основании высочайшего повеления циркулярным предписанием Вязмитинова, изданным в апреле 1815 г. возвращение пленных французов было прекращено; одновременно был наложен мораторий и на возвращение уже присягнувших французов, которых следовало оставлять «*впредь до разрешения в тех местах, где находятся*», сообщая в Министерство полиции. Партии же пленных из польских губерний следовало отправить назад: из Вильно, Гродно и Витебска – в Кострому и Ярославль, из Минска и Могилева в Курск и Орел, из Киева, Каменца-Подольского и Тарнополя – в Харьков. Впрочем, после окончательного краха Наполеона всем пленным была предоставлена возможность вновь вернуться на родину³⁶.

Однако, несмотря на существовавшие общие законодательные нормы, органам высшей и центральной власти приходилось постоянно рассматривать множество индивидуальных случаев. Причем по большей части просьбы пленных о разрешении им остаться в России удовлетворялись. Иногда эти решения были связаны с нарушением существовавших на тот или иной момент законодательных норм, а подчас являлись важными прецедентами, определяющими направление развития законодательства.

Вопрос о принятии в подданство пленных в индивидуальном порядке периодически рассматривался Комитетом министров. Так 7 августа 1813 г. ярославский гражданский губернатор сообщил Вязмитинову о том, что в российское подданство желает вступить военнопленный Рей. Вязмитинов внес этот вопрос в Комитет министров, о чем и сообщил 16 августа в Ярославль³⁷. Впрочем, в феврале 1814 г. Рей находился уже в Костроме, куда и было отправлено письмо из-за границы на его имя, присланное в Ярославль московским почтамтом³⁸.

Две записки Вязмитинова о пленных рассматривал Комитет министров 26 мая 1814 г. В одной шла речь о донесении виленского гражданского губернатора, в котором излагалась просьба четырех пруссаков, «*отысканных в Ковенском и Россиенском поветах*» и желавших присягнуть на подданство России. С учетом того, что возвратить всех пленных пруссаков Вязмитинов предписал еще 16 января 1813 г., удовлетворить просьбу Мартына Бергеля, Семена Гемеля, Криштофа Юшки и Франциска Готлиба губернатор самостоятельно не решился. Комитет министров позволил им принять присягу при условии, если они все еще находятся в России³⁹. Вторая записка была основана на донесении правителя Белостокской области, сообщившего, что некоторые из отправляемых на родину пленных саксонцев с дороги бежали, возвратились назад в Белосток, объявили желание вступить в русское подданство и отправиться на жительство назад во внутренние губернии. Комитет позволил принять в подданство и этих саксонцев⁴⁰.

Просьб поступало множество. Приведем еще некоторые из них. 22 июля 1814 г. нижегородский гражданский губернатор в отношении к ярославскому губернатору сообщил, что находящийся в Нижегородской

губернии рядовой военнопленный итальянец уроженец г. Ноалё в Пьемонте Томазо Катаньо (в других документах Кампанио) хочет вступить в подданство России и водвориться по принятии присяги в узаконенный двухмесячный срок в г. Мологе Ярославской губернии. Пленнику было 38 лет, он происходил из купеческой семьи, был холост, исповедовал католическую веру, 7 лет служил капралом в 3-м линейном итальянском полку, из родственников имел лишь мать⁴¹. Впрочем, до Мологи он не добрался, став позднее (согласно алфавиту пленных) нижегородским мещанином⁴².

2 июля 1814 г с просьбой остаться в российской службе обратился в Медицинский департамент Военного министерства саксонский лекарь из пленных Карл Август Миллер, находившийся в Ярославле. Поводом к прошению стало получение известия о смерти родителей и разоренном состоянии родственников. Управляющий Военным министерством предписал 8 июля принять его в службу в военное ведомство, определить в виленский военный госпиталь и назначить с июля 1814 г. по 500 руб. в год жалования, а также прочих довольствий, полагавшихся младшим лекарям 1-го класса. В связи с этим Миллеру предписывалось, приняв присягу при ярославском госпитале, немедленно отправиться к месту службы, где и вступить в ординаторскую должность. Свидетельство же на лекарское звание Медицинский департамент обещал ему выслать, *«когда оно получится, откуда следует»*⁴³.

20 августа 1814 г. принц А. Виртембергский сообщил Горчакову, что инженер-генерал-майор О. И. Манфреди сообщил о желании находящегося при нем инженера-штабс-капитана итальянской службы Гастона Каведони, взятого в плен при Данциге, вступить в российскую службу. Каведони, как ясно из рапорта Виртембергского, уже давно подал соответствующую просьбу, но не получил ответа. Не получал он и положенного пленным содержания⁴⁴. Горчаков обратился к Вязмитинову, тот затребовал более подробных сведений,⁴⁵ но конец истории нам, к сожалению не известен.

Осталась в России и после завершения наполеоновских войн и часть поляков. Летом 1814 г. кавказский гражданский губернатор сообщил в Министерство полиции о мерах принятых по подготовке к отправлению на родину пленных, находящихся на работах по ведомству путей сообщения и сообщил о желании некоторых пленных принять присягу на подданство России. В ответном предписании от 26 августа 1814 г. Вязмитинов одобрил его действия и сообщила, об отсутствии препятствий к принятию пленными поляками присяги при условии, что они изберут себе род жизни (сохранилась лишь копия документа, заверенная начальником архива Марченковым)⁴⁶. 8 сентября 1814 г. аналогичный запрос отправил Вязмитинову и Горчаков, в котором сообщал со слов Ртищева, что некоторые находящиеся на Кавказской линии поляки после объявления им высочайшего повеления об освобождении изъявили желание остаться на Кавказе, вступить в казачью службу и *«не требуя никаких пособий, женившись на казачьих дочерях поселиться подобно прочим казакам»*. В ожидании ответа из Петербурга

отправление этих пленных было приостановлено⁴⁷. Вязмитинов в своем ответе 10 сентября вновь подтвердил разрешение на присягу и направил управляющему Военным министерством копию с предписания кавказскому гражданскому губернатору от 26 августа⁴⁸, о чем тот в свою очередь не замедлил сообщить 2 октября командующему войсками на Кавказе Н. Ф. Ртищеву⁴⁹.

Некоторые итоги российской политики, направленной на стимулирование бывших солдат и офицеров армии Наполеона остаться в России, видны из «ведомости о числе военнопленных разных наций, присягнувших на подданство России», сохранившейся в фонде Собственной его императорского величества канцелярии в числе других ведомостей о численности пленных. Весь этот комплекс документов, по справедливому мнению В. А. Бессонова, был подготовлен для доклада императору к 31 декабря 1814 г.⁵⁰ Приведем ведомость целиком⁵¹.

нации	офицеры	рядовые	нации	офицеры	рядовые
Пруссаков		13	Ганноверцев		7
Французов	8	171	Швейцарцев		19
Австрийцев		105	Иллирийцев		42
Неаполитанцев		14	Молдаван		2
Итальянцев		145	Греков		8
Голландцев	1	21	Поляков	4	169
Саксонцев		71	Поляков, находящиеся		1115
Баварцев		27	на службе в Сибири		
Вестфальцев		19	(по рапорту генерал-		
Гишпанцев	2	8	лейтенанта Глазенапа)		
Вюртембергцев		2	Австрийцев,		253
Бергцев		4	изъявившие желание		
Баденцев		3	вступить в		
Мекленбургцев		1	подданство, но к		
Брауншвейгцев		2	присяге не		
			приведенные		
			Итого	17	2221

Вслед за ведомостью следует список 17 офицеров и медиков, присягнувших на подданство России. Среди них французы: капитаны Дюмон, Рей, поручики Гугус, Рико, Рено, Гресс, Греиот, а также доктор Боссюер; испанцы капитан Дебольо и подпоручик Лефевр Дюбоск;

голландский аптекарь Край; вестфальский капитан Браун, бергский капитан Микке; польские поручики Зенкович, Моргульц, Лепин и Бабецкий. Далее следует список из 16 пленных офицеров, изъявивших желание присягнуть на русское подданство, но еще не осуществивших своего намерения. В список попали итальянцы капитан Бастозини и поручик Бургарелли, австрийский поручик Хорват, голландский поручик Веиелинк (Весселинк?), вюртембергский поручик Сент-Андре, а также поляки: капитаны Зубковский и Эртель, поручики Грабовский и барон Беем, подпоручики Бронк, Мистковский, Ульяновский, Сокольниковский, Синакевич, Старжинский и Зенкович. Выразил желание присягнуть и генерал Буайе (в русских документах Бойе)⁵².

Данные эти, обобщенные в Петербурге в конце 1814 г., по-видимому, отражают ситуацию середины этого года. Они не могут считаться окончательными по итогам войны, поскольку и в это время и позднее численность оставшихся продолжала изменяться. С одной стороны, многие уже присягнувшие пленные России, на основании указа от 17 августа 1814 г. отказывались от российского подданства и возвращались на родину. С другой стороны, некоторые остававшиеся в России пленные продолжали подавать ходатайства о принятии присяги, которые рассматривали и центральные органы власти.

В бумагах III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии сохранился отрывок из записки по Особенной канцелярии Министерства полиции о желании военнопленных присягнуть на подданство России и вступить в службу. Архив Министерства полиции как известно сохранился плохо. Поскольку функции Особенной канцелярии Министерства полиции были переданы после его ликвидации в 1819 г. в Особенную канцелярию Министерства внутренних дел, а потом (в т. ч. дела, касавшиеся иностранцев и бывших пленных) в III Отделение, то туда же попала и большая часть архива (меньшая осталась в МВД). В советское время бумаги Особенных канцелярий Министерства полиции и Министерства внутренних дел были выделены из дел III Отделения в особый фонд (ныне Ф. 1165 Государственного архива Российской Федерации). Упомянутый отрывок из записки по ОКМП – поскольку на нем нет даты, то, скорее всего это черновик, - входил, возможно, в состав дела о пленных, желающих вступить на российскую службу. В нем перечисляются просьбы пленных, поданные из различных регионов. Киевский губернатор сообщал о желании капитана польских войск Ладинского поступить на службу в русскую кавалерию. Казанский губернатор представлял о желании капитана французской службы Симонича вступить на военную службу и присягнуть на русское подданство. О желании присягнуть на подданство французского сержанта Дагета и рядовых Дегутины, Дъедоне, Дюнвье, Оффре, Арманди, Каррета и Лобго писал ярославский губернатор. Он же донес о желании присягнуть на подданство французского капитана Дюбе. Саратовский губернатор отмечал в рапорте, что присягнуть на подданство и служить по кавалерии хочет подпоручик итальянской службы Киари. Наконец управляющий военным

министерством сообщил, что уроженец г. Генау (?) военный комиссар в ранге поручика Боос просит об определении его в военную службу и назначении адъютантом к генерал-майору И. П. Кульневу, на что был согласен и сам Кульнев⁵³. Поскольку фигурирующий в документе Симонич, вступил в русскую службу в 1816 г.⁵⁴, Дагет (правильно Даге), записанный в ярославское мещанство с начала 1816 г., принял присягу в 1815 г.⁵⁵, и ни один из упомянутых в записке офицеров не фигурирует в списках присягнувших или намеренных это сделать, датированных 1814 г., то записка относится, видимо, к 1815 г.

5 января 1816 г. Комитет министров рассмотрел записку главнокомандующего в Петербурге по просьбе трех пленных рядовых французов Венсана, Камбре и Луи. Во время пребывания в Ярославле они изъявили желание присягнуть на подданство России и поселиться в Сибири, в Бийском уезде в числе государственных крестьян. Сибирский генерал-губернатор сообщил Вязмитинову, что все трое уже прибыли в Томск и отправлены к бийскому исправнику. Однако поскольку они не имели средств на обзаведение хозяйством, то рассчитывали на помощь властей. В связи с этим генерал-губернатор спрашивал Вязмитинова будет ли на этот предмет отпущена особая сумма или следует выдать им деньги из общих расходов на переселенцев Томской губернии, куда согласно положению о поселении людей в Сибири от 29 июня 1806 г. следовало водворять только казенных крестьян, приходящих из малоземельных губерний. Комитет решил оказать помощь трем пленникам в размере ссуд, выдаваемых колонистам *«из суммы вообще на сей предмет означенный»*⁵⁶. Поскольку сумма на водворение поселенцев в Томской губернии отпускалась в ведение томского губернского начальства, то министр внутренних дел во исполнение решения Комитета министров отнесся по этому вопросу к сибирскому генерал-губернатору. Министр просил также осведомиться через местное начальство, *«к какому роду хозяйства наиболее способны сии люди и не имеют ли они особых познаний в какой-либо части хозяйства или промышленности»*. 15 мая 1817 г. генерал-губернатор сообщил, что все трое французов уже *«водворены»*, приняли греческую веру и занимаются хлебопашеством, *«поелику других познаний не имеют»*. И хотя на обзаведение их хозяйством (на постройку дома, покупку скота, земледельческих орудий, хлеба на посев) и кормовые деньги до первой жатвы томский губернатор и полагал выдать ссуду в 427 руб., сами пленники пожелали взять только 350 руб. (т. е. столько, сколько положена на обзаведение иностранным колонистам). Причем деньги они обязались вернуть через три года, и пожелали воспользоваться льготами от податей на 5 лет. Комитет министров на заседании 5 июня 1817 г. принял эту информацию к сведению⁵⁷.

В 1816 г. трое нижних чинов итальянской службы Сильвестр Мартини, Анжен Мариан и Юст Гверьяри, проживавшие в 1816 г. по болезни в г. Нежине Черниговской губернии и знавшие суконное ремесло также просили принять их в подданство и определить на какую-нибудь суконную

фабрику. Разрешение Комитета министров на принятие его в подданство было получено 18 апреля 1816 г.⁵⁸.

Впрочем, некоторые пленные пытались остаться в России, и не принимая присяги. С такой просьбой обратились к эстляндскому губернатору пленные Генрих Кох и Форгавен, «употребляемые с пользой при суконной фабрике». Они хотели получить билет на свободное жительство на правах иностранцев. Вопрос был также внесен Вязмитиновым в Комитет министров, который 16 июня 1814 г. решил, что пребывание в России пленных может быть позволено только при условии принятия ими присяги на подданство⁵⁹.

18 ноября 1816 г. Комитет министров разрешил привести к присяге просивших об этом Людовика Николая Жиру (он был сыном умершего капитана французской королевской гвардии и задержался в плену в Ярославской губернии по болезни) и поручика Иосифа Витковского (он служил в польских войсках и находился в Минской губернии)⁶⁰.

Возможно, некоторые подробности, свидетельствующие о практике репатриации пленных (и соответственно, о желавших остаться в России) содержались в деле 1815 г. о возвращении пленных, еще в 1842 г. хранившемся в архиве МВД. Однако до сих пор оно не обнаружено⁶¹.

Вопрос о пленных, оставшихся в России после завершения наполеоновских войн, постоянно ставился перед российскими властями иностранными дипломатами. Уже в 1816 г. прусский посланник по особому предписанию своего двора «домогался», чтобы со стороны российского правительства было оказано всевозможное содействие в отыскании и возвращении всех остающихся в России прусских, гессен-кассельских, дармштадских, и мекленбургских пленных, или, по крайней мере, в сборе достоверной информации об их судьбах. Для этого посланник считал необходимым предпринять ряд мер. Во-первых, Министерство полиции должно было предписать начальникам губерний еще находящимся в их ведении пленным точные списки с указанием причины пребывания в России (поступление в подданство и др.), а также списки умерших в разное время на территории губернии. Во-вторых, Военному министерству следовало составить списки пленным, определенным в разное время в полки. Кроме того, посланник требовал включить в текст предписаний пункт, согласно которому всем присягнувшим и вступившим на службу позволялось вернуться на родину, причем надлежало объявить, что по прусским законам, тот, кто оставил отечество без разрешения, лишается всех имущественных прав. Последний пункт посланник просил в форме объявления напечатать и в газетах. В-третьих, он предлагал разрешить газетам печатать по требованию прусской миссии объявления, в которых содержались бы «приглашения» к «сострадательным» людям о доставлении известной им информации о живых и умерших пленных. Причем письма с такими известиями следовало принимать от отправителей безвозмездно, с последующей оплатой за счет прусской миссии. Наконец посланник требовал, чтобы для сбора пленных у границы было назначено одно или два места, где бы находился уполномоченный прусского правительства.

Управляющий Министерством иностранных дел, получив это требование, сообщил его императору, который соизволив, чтобы по требованиям прусского посланника *«было оказано полное удовлетворение»*, предписал внести вопрос в Комитет министров на предмет рассмотрения *«удобности»* предложенных прусским дипломатом мер, и в случае их одобрения немедленно их исполнить, доведя до сведения прусской миссии. Внося вопрос в Комитет, управляющий МИД сообщал своим коллегам, что упомянутая репрессивная по отношению к невозвращенцам мера прусского законодательства находится в противоречии с Парижским и Венским трактатами, согласно которым жители земель, перешедших к другим владельцам, могли в течение шести лет переселиться в другие государства. По этому поводу он предварительно консультировался с прусским посланником генералом Р.-О.-Ф.-А. Шелером и тот согласился, что в объявлении будет сделано соответствующее исключение для жителей земель, перешедших к Пруссии по итогам наполеоновских войн. В итоге Комитет министров на заседании 19 сентября 1816 г. решил запросить главнокомандующего в Петербурге Вязмитинова о том, какие были предприняты меры по Министерству полиции *«о приведении в известность всех пленнх, в России оставшихся»*. Одновременно и министр внутренних дел должен был сообщить, не было ли прежде дано позволение принимать на почте безденежно письма пленнх⁶².

На заседании 6 октября 1816 г. Комитет министров вернулся к этому вопросу. Министр внутренних дел кратко сообщил, что предписания о бесплатном приеме писем пленнх не было. Зато Вязмитинов представил пространную записку по вопросу репатриации пленнх и их учета. Он сообщил о целом ряде циркулярных предписаний губернаторам об освобождении пленнх. Были упомянуты предписание 16 января 1813 г. об отправлении в Ригу для возвращения в отечество всех пруссаков и доставлении соответствующих ведомостей и именных списков, предписания 14 марта и 22 июля 1813 г. о немедленном отправлении в Ригу прусских пленнх (и прежде всего офицеров, которых следовало снабдить подорожными и прогонными деньгами); а также от 28 ноября 1813 г. об освобождении пленнх как Рейнского союза и от 13 мая 1814 г. об освобождении пленнх всех наций. Эти документы ныне благодаря работам В. А. Бессонова общеизвестны. Однако далее, переходя к вопросу о доставлении сведений, касающихся умерших пруссаков, Вязмитинов сообщал, что доставленные губернаторами именные списки погибших пленнх, *«не могут быть довольно ясны: а) по причине непомерного множества пленнх, замерзших, утонувших и без вести пропавших, ибо вообще стечение обстоятельств того памятного времени по необычности своей выходит из пределов всякого соображения; по ведомостям, первоначально по сему предмету полученным число умерших пленнх по исчислению поверхностному одних токмо трупов, простирается до 175 тыс, из коих в одной Виленской губернии зарыто до 70 тыс. и б) потому что многие из теперешних прусских подданных, находившихся в плену и бывших*

тогда в госпиталях, были внесены в списки под названием *французов, вестфальцев и проч.*, о чем теперь никакого разыскания сделать не имеется возможности». Таким образом, глава ведомства, занимавшегося пленными, сам же дал весьма скептическую оценку тем статистическим материалам, которыми оно располагало. Вязмитинов высказался и по поводу других требований прусского посланника. В частности, он отметил, что запрета *«припечатывать в газетах приглашения к пленным»* никогда не существовало, что вследствие высочайшего повеления циркулярным предписанием от 17 августа 1814 г. присягнувшим на подданство России пленным разрешено возвращаться на родину, и что *«немалое количество таковых пленных согласно с желанием их отправлены в отечество, прочие же за сим не пожелали возвратиться и остались в России»*. Наконец главнокомандующий в Петербурге напомнил, что сборным пунктом для прусских пленнх служила Рига. Таким образом, по мнению Вязмитинова все требования, содержащиеся в ноте Шелера *«в полной мере удовлетворены, если же что не выполнено, то по невозможности»*. К этому главнокомандующий в Санкт-Петербурге прибавил, что *«что в мае сего (т. е. 1816-го! – Б. М.) года предписано циркулярно всем начальникам губерний о доставлении именных списков всех военнопленных, до сего времени еще в России находящихся, по какому бы случаю и под каким бы предлогом они не оставались. Сведения сии некоторыми начальниками губерний уже доставлены и прочим о скорейшем исполнении подтверждено и из донесения сих усматривается, что нигде пленнх пруссаков не находится, кроме Белостокской области, в коей проживают два пруссака, присягнувшие на подданство России и не пожелавшие возвратиться в отечество»*⁶³.

В итоге Комитет министров положил уведомить прусского посланника через управляющего МИД обо всех вышеупомянутых распоряжениях, сделанных Министерством полиции, сообщить ему все имеющиеся о прусских пленнх сведения, а также посылать все вновь поступающие из губерний данные. Помимо этого Военное министерство должно было сообщить пруссакам через МИД сведения о пленнх, которые были распределены в российские полки с указанием настоящего их местонахождения. Комитет дозволил также напечатать в газетах как *«приглашение к людям сострадательным»* сообщать сведения о бывших прусских пленнх, так и обращение к самим пленнх по поводу их возвращения на родину, соображаясь при этом с трактатами. Письма на имя посланника с сообщением о судьбе прусских пленнх следовало принимать на почтах безденежно, представляя раз в полгода прусской миссии счет для оплаты стоимости их пересылки⁶⁴.

Первичные данные, присланные с мест, о которых шла речь в записке Вязмитинова и в журнале Комитета министров, в архивах обнаружить не удалось, однако в Российском государственном историческом архиве имеется алфавитный список пленнх, оставшихся в России, который по нашему предположению составлен именно на основе этих донесений 1816 года.

В РГИА существует целый комплекс дел, касающихся войны 1812 г. и ее последствий. Среди них есть и дела о пленных, в т. ч. оставшихся в России. Дела эти (Д. 764-803) ныне числятся в составе описи 1 фонда канцелярии министра внутренних дел (Ф. 1282). Они представляют собой часть сохранившихся в РГИА дел Особенной канцелярии Министерства полиции (далее ОКМП), а также Особенной канцелярии Министерства внутренних дел (далее ОК МВД), к которой перешли функции ОК МП после его ликвидации в 1819 г. Остальные дела этих учреждений разбросаны по другим разделам описи 1, которая составлена в 1952 г. по тематическому принципу в результате переработки прежних описей. Однако все дошедшие до нас в составе описи 1 дела ОК МП и ОК МВД за 1811-1819 гг. до 1952 г. хранились вместе, значились в одной описи и имели последовательную нумерацию. Эта нумерация не отражает исходную делопроизводственную нумерацию и дана позднее. На всех этих делах с 1 по 179 одинаковыми черными чернилами проставлены номера и сделана надпись «По описи Особенной канцелярии Министерства полиции 1811-1825». Таким образом, опись была сформирована, вероятно, после 1826 г., когда функции ОК МВД перешли к III Отделению, куда было передано большинство дел обеих особенных канцелярий (ныне эти дела составляют Ф. 1165 Государственного архива Российской Федерации). Лишь на некоторых делах 1819 г., начатых в МП, и завершавшихся в МВД имеется надпись «По описи особенной канцелярии министерства внутренних дел», а иногда одновременно и надпись «По описи Особенной канцелярии Министерства полиции» (например на деле 174, ныне № 783). Имеющийся в архиве экземпляр описи дел ОК МП за 1811-1819 гг. судя по почерку и бумаге относится ко второй половине XIX в. и входит в состав дела № 1016 по Оп. 3. Ф. 1282 (Л. 1-24). По ней числятся за 1811 г. – 15 дел, за 1812 – 23 дела, за 1813 – 2 дела, за 1814 – 21 дело, за 1815 – 7 дел, за 1816 – 13 дел, за 1817 – 32 дела, за 1818 – 15 дел, за 1819 – 56 дел. Следом за описью дел ОК МП в упомянутом деле следует опись дел ОК МВД за 1820-1825 г. – дела с № 1 по № 144 и еще 5 дополнительных номеров за 1825 г. (Л. 24 об. -41). По ней значатся за 1820 г. -8 дел, за 1821 – 23 дела, за 1822 г. дел нет, за 1823 г. – 7 дел, за 1824 год – 6 дел, за 1825 г. – 105 дел. Далее идут погодные описи по ОК МВД - за 1826 г. 69 дел, за 1827 год дел нет, за 1828 г. – 32 дела, за 1829 г – 14 дел. На этих делах имеется надпись «Особенная канцелярия Министерства внутренних дел», указан год и делопроизводственный номер. Неравномерность в сохранности дел обуславливает и то, что значительное число дел об оставшихся в России пленниках сохранились именно за 1825 и 1826 гг.

Алфавит пленных ныне является делом № 776 по Оп. 1 Ф. 1282. Внешний вид его довольно странный. Дело представляет собой алфавитную книгу в пестром переплете 348 на 220 мм. Внутри дела на каждую букву алфавита расписаны фамилии пленников со сведениями о них. На переплете – квадратная наклейка, с вырезанными полукругом углами. На наклейке светло-рыжими чернилами сделана надпись «Особенной канцеляр[ии] Министерства полиции 3-го стола» и ниже такими же, но более темными,

насыщенными чернилами «О пленных, оставшихся в России». Кроме того на переплете черными чернилами поставлен номер «№ 56» (он же продублирован красным карандашом на наклейке - практика характерная для второй половины XIX в.), стоит дата «1814 г.» и ниже теми же чернилами надпись: «По описи Особенной канцелярии Мин-ва Вн. Дел с 1811 – 1825 г.». Номер 56 не является исходным делопроизводственным номером для данного дела. Это номер по архивной описи дел ОК МП, о которой мы говорили выше и дан после 1826 г. Вместе с ним, судя по чернилам и почерку, на обложке появилась и дата, причем нижняя часть первой цифры «1» заходит на наклейку, которая, таким образом, появилась на своем месте до того как была сделана датировка. Поскольку на наклейке нет ни делопроизводственного номера, ни даты, то трудно предполагать, что оно в таком виде существовало в архиве до 1825 г. Кроме того последние полторы буквы слова «канцелярии» оказались отрезаны. Все это заставляет предположить, что наклейка вырезана из обложки более раннего, возможно первоначального, дела. О его существовании заставляет предположить и сам вторичный характер алфавита, поскольку в его основе лежат списки пленнх, поданные из губерний, до нас впрочем, не дошедшие. Наконец надпись о принадлежности к ОК МВД никак не корреспондируется с годом создания дела. Упоминание ОК МВД на таких делах встречается только с 1819 г. И это может свидетельствовать о том, что алфавит был создан на основе раннего дела после перехода функций ОК МП к ОК МВД или находился на момент составления описи, как актуальный документ, среди дел начала 20-х гг., а может быть и был создан в 1819 г., поскольку именно на делах этого года встречается совместное упоминание обоих учреждений.

О том, что алфавит составлялся на основании поданных из губерний списков, которые были сложены составителями в определенном порядке (скорее всего это порядок поступления данных в Министерство полиции), позволяет судить сама его структура. Фамилии пленнх на каждую букву алфавита записаны по губерниям, точнее по губернским городам, где пленные присягали, причем города идут один за другим в неизменном порядке, с пропусками в том случае, когда пленнх с фамилией на соответствующую букву в каком-то городе не оказывалось. Порядок этот таков: Белосток, Рига, Вологда, Пермь, Архангельск, Киев, Казань, Витебск, Ярославль, Нижний Новгород, Вятка, Тверь, Астрахань, Смоленск, Рязань, Волынский, Оренбург, Одесса, Чернигов, Калуга, Москва, Симбирск, Курск, Кострома, Саратов, Витебск, Либава, Митава, Витебск, Нарва, Омск, Киев, Херсон, Тобольск, Казань, Вильна, Георгиевск, Воронеж, Тула, Тверь, Москва. Лишь в одном случае произошел сбой: при записи фамилий на букву «Ф» Симбирск упомянут раньше Чернигова. Повторение отдельных городов указывает на то, что по некоторым губерниям поступали дополнительные списки. Кроме того, анализ почерка и цвета чернил показывает, что алфавит составлялся в несколько приемов. Особенно четко по почерку и интенсивности цвета чернил отличается часть списка, начинающаяся с пленнх, бывших в Нарве.

Обратимся теперь к содержанию алфавита. В нем значится, что итальянский рядовой Жозеф Биденъ умер в Оренбурге в 1815 г. Запись о смерти ничем ни отличается по внешнему виду от соседствующего текста. Она вряд ли могла быть сделана в такой формулировке ранее 1816 г. «*Временный*» генерал Жак Буайе (в алфавите и вообще в русских документах Бойе), судя по информации, попавшей в алфавит и представленной из Казани, находился в Петербурге. Точно известно, что в столицу же он был оправлен в начале февраля 1815 г.,⁶⁵ так что исходные материалы, положенные в основу алфавита, не могут быть датированы 1814 г. В алфавите в качестве ярославского мещанина, и, следовательно, российского подданного фигурирует и Жан Дагет. Вместе с тем по делам ярославского архива известно, что Даге (Daquet), бывший солдатом (в алфавите он унтер-офицер) в 1-м артиллерийском полку, присягнул на подданство, как уже говорилось, только в 1815 г., а в мещане причислен с начала 1816 г.⁶⁶ Интересные данные дает сопоставление алфавита со списком 17 пленных офицеров и медиков, вступивших в подданство России и 16 офицеров и 1 генерала (Буайе), изъявивших желание присягнуть, которые несомненно относятся к 1814 г.⁶⁷ Из них в алфавит попали только капитан Вильгельм Микке (пруссак по алфавиту и бергец по списку), французский капитан Франц Рей, французский поручик Гресс и, конечно, Буайе. Такое несоответствие очень странно. Но оно не удивительно, если отнести датировку исходных данных алфавита к более позднему, чем 1814 г. времени, когда отсутствие в нем большей части лиц, зафиксированных в списке 1814 г., может быть объяснено как раз тем, что в 1814 г. по воле императора в отечество разрешено было вернуться и присягнувшим. Зато в алфавите присутствуют все семеро пленных французов, находившихся в 1816 г. в Ярославле и желавших вступить в подданство. Это были капитан Леон Кен (в алфавите Кень), поручик Мажетти (в алфавите Жан Мажетти), старший адъютант Дайер (в алфавите Деиер), сержант Шарль Бланше (в алфавите Бланже), унтер-офицер Христоф Казен (в алфавите Христофор Казень) и рядовые Баптист Дювьёгран (в алфавите Жан Батист Дювьё) и Леви Соломон⁶⁸. О просьбе пленных, трое из которых были офицерами, ярославский губернатор сообщил главнокомандующему в Санкт-Петербурге, который и внес вопрос в Комитет министров. В итоге на заседании 6 июня 1816 г. Комитет министров разрешил привести к присяге всех упомянутых пленных⁶⁹. Французский рядовой Франсуа Гильом (Гийоме) значится по алфавиту (по данным, присланным из Риги) служителем в Петербурге. Однако известно, что этот рядовой 8-го гусарского полка присягнул в Риге 18 апреля 1816 г. и был отправлен в Ярославль, - где и находился до того в плену, - для избрания рода жизни⁷⁰. В начале мая 31-летний Гийом прибыл в ярославское губернское правление с двухмесячным билетом и подал прошение о том, что желает записаться в ярославское мещанство. 12 мая правление, учитывая, что срок избрания рода жизни со дня присяги составляет 2 месяца, решило снабдить его соответствующим временным видом на жительство, обязав до окончания его действия определиться с

местом жительства и родом занятий. Не знавший ни языка, ни обычаев страны Гильом находился в затруднительном положении и обратился к Вязмитинову с просьбой о приписке его к Санкт-Петербургскому мещанству, а также о позволении на некоторое время остаться в Ярославле. Возможно это обращение последовало еще до его прибытия в Ярославль, поскольку уже 26 мая главнокомандующий в Петербурге направил предписание ярославскому губернатору, где сообщалось, что о приписке Гильома к Петербургскому мещанству уже дано указание Петербургскому гражданскому губернатору и предписывалось выдать ему билет на проживание в Ярославле в течение 6 месяцев⁷¹.

На 1816 г., как на самую раннюю датировку алфавита указывают сведения, приведенные в нем о графе И. О. Симониче (он назван Семоничем), капитане, долматском подданном, находившемся в Казани. Он значится как вступивший в российскую службу, а произошло только в 1816 г. Позднее Симонич служил на Кавказе, а в 1832-1838 гг. был российским полномочным министром в Персии, сменив на этом посту убитого А. С. Грибоедова⁷². Характерно, что алфавит открывается данными по Белостокской области. И в этой губернии действительно значатся два пруссака, как и говорится в журнале Комитета министров 1816 г. (рядовые Карл Гутфельд и Матеуш Дрейман, снабженные билетами для избрания рода жизни). Это обстоятельство также дает возможность связать информацию алфавита с майским предписанием 1816 г. Вряд ли в алфавите могла появиться запись о выдаче Калу Журдану бессрочного вида на жительство в Курске до того момента, как принес присягу на подданство, произошло же это только 28 апреля 1816 г.⁷³.

Определить наиболее позднюю границу промежутка времени, которым можно датировать первоначальный массив данных, положенных в основу алфавита, позволяет биография упомянутого Дейера. Просьба Дейера об определении его в военную службу была направлена ярославским гражданским губернатором Вязмитинову 23 ноября 1816 г. и передана начальнику Главного штаба, который в свою очередь затребовал из Ярославля документы о службе просителя⁷⁴. Документов, однако, у Дейера, служившего *«в 10 легкоконном полку за батальонного начальника»* не оказалось, поскольку в сражении под Полоцком *«он был ранен, лежал без чувств и с малым числом взят в плен»*. В связи с этим начальник Главного штаба обратился к управляющему Министерством иностранных дел К. В. Нессельроде, чтобы тот через российского посланника во Франции узнал о службе и чинах Дейера. Об этом запросе Вязмитинов сообщил в Ярославль 20 апреля 1817 г.⁷⁵. И наконец 3 ноября того же года дежурный генерал Главного штаба А. А. Закревский написал губернатору, что согласно высочайшей воле *«французской службы капитан»* Дейер, живший на тот момент в Пошехонском уезде в деревне генерал-лейтенанта Голенищева-Кутузова, определен в Бородинский пехотный полк, куда и должен был немедленно явиться⁷⁶. Поскольку в алфавите отражено, что Дейер лишь

«снабжен бессрочным видом», можно считать, что информация из Ярославля об оставшихся пленным была отправлена до середины ноября 1817 г.

Впрочем, информация, содержащаяся в алфавите, относится и к более позднему времени. Так над строкой, где говорится о рядовом из Рейнского союза Николае Симонисе (Витебск, снабжен билетом для избрания рода жизни) вписано: «*выслан за границу в июне 1822 г.*». Однако по чернилам и почерку установить, сделана ли эта запись в момент составления списка или позднее, не представляется возможным. Имеются в списке и пометы о возвращении других пленным, но без указания дат.

Таким образом, строго говоря, алфавит мог быть создан в период между 1816 и 1826 гг., но 1814 г. годом он датирован быть не может. Скорее всего, основная информация, отразившаяся в нем, восходит донесениям губернаторов в ответ на циркулярное предписание, данное в мае 1816 г., то есть к середине 1816 – началу 1817 г. Позднее очевидно производились дополнения. Однако время составления самого алфавита в том варианте, как мы его имеем, точно установить затруднительно. Возможно, он составлен в справочных целях несколько лет спустя после получения сведений из губерний. На это может указывать и формулировка надписи на обложке, характерная для документов 1819-1825 гг. Окончательно установить датировку можно лишь по итогам изучения биографических данных о лицах, указанных в алфавите, на основе местных архивов.

Очевидно, что алфавит не полон. Так, вообще нет ни одного пленного, оставшегося в Пензенской губернии. При том, что губерния была одним из основных регионов, куда отправлялись пленные, это обстоятельство довольно странно. Нет данных по Томской губернии, где скорее всего остались на жительство некоторые поляки и где точно были к концу 1815 г. были рядовые Венсан, Камбре и Луи, пожелавшие там поселиться⁷⁷ (в алфавите они зафиксированы по Ярославлю как отправленные в Сибирь). Нет данных по Петербургу, поскольку Бойе, значится также по Ярославлю лишь как отправленный в Петербург, данные о нахождении в Петербурге Гильома присланы из Риги, а находившийся в столице доктор Генрих фон Роос не значится вовсе. Нет данных и по Минской губернии, и по Могилевской. Отсутствует в алфавите и военнопленный Жан Гавреес (Jean Havries), родившийся во Франции в городе Льеж и присягнувший в Нижнем Новгороде 9 апреля 1815 г., хотя он жил в России еще и в 1837 г.⁷⁸

Не попал в алфавит и упоминавшийся нижний чин итальянской службы Юст Гверьяри, проживавший в 1816 г. по болезни в г. Нежине Черниговской губернии⁷⁹. Нет в алфавите бывшего пленного, а затем саратовского мещанина Николая Кюттара (подпись Nicolas Cutedo), который в 1823 г. подал прошение о возвращении на родину вместе с детьми⁸⁰. Не упомянуты также Людовик Николая Жиру из Ярославской губернии и поручик Иосиф Витковский из Минской, которые в 1816 г. просили о принятии их в подданство, на что и получили разрешение в ноябре 1816 г.⁸¹

В мае 1824 г. шестеро бывших пленным подали жалобу великому князю Константину Павловичу. Они сообщили, что при возвращении домой

администрация экономии местечка Рожище Луцкого повета оставила их у себя, «*желая воспользоваться их изнурением под предлогом сострадания к несчастному их положению*». В 1816 г. без их согласия некоторых из этих бывших пленников записали в ревизские сказки за гр. Б. Комаровским, а некоторых держали и «*без показания в сказках*». В выдаче свидетельств на свободный проезд в Житомир и далее в Варшаву им было отказано. Бывшие пленники в принципе не отказывались принять присягу на подданство России, но желали сделать это на родине, причем утверждали, что в Варшаве «*записана их военная служба*». Вероятно, нам не удастся узнать, почему эти бывшие пленники спокойно жили в приютившей их экономии и лишь через десять лет вспомнили о своих нарушенных правах и о родине⁸². Все они служили в разных полках и попали в плен в разное время. Павел Скарбицкий, родом из Калиша служил в 9-м уланском полку и был взят под Борисовым. Там же был пленен и его земляк, служивший во 2-м «*завислянском*» полку Томаш Росоха. Андрей Матысюк, родом из Сирацкого воеводства, служил в 8-м пехотном полку и попал в плен под Можайском. Антон Ковальский из Замостья служил в польской артиллерии и был пленен под Смоленском. Его земляк и сослуживец Петр Крамовский попал в плен под Красным. Симон Бронич, родом из Старой Галиции служил в 4-м «*завислянском*» полку и был пленен под Лейпцигом⁸³. Как доносил 19 сентября 1824 г. великому князю волынский вице-губернатор, расследование показало, что Матысюк, Ковальский, Скарбицкий и Крамовский действительно были приглашены на жительство в Рожище во время прохождения пленных в 1813 г., а затем без их ведома записаны в подушный оклад. Росоха был оставлен в экономии польским майором. А Бронич оставлен во время препровождений пленных в Луцк до получения на следование в Австрию паспорта и жил под Луцком в деревне Вольке. Причем ни Бронич, ни Росоха присягу не принимали, поскольку даже не знали о такой возможности⁸⁴. Впрочем по данным губернского правления, отразившимся в его журнале за ноябрь 1824 г., Скарбицкий побывал во время плена в Георгиевске, а Матысюк служил в Грузинском гренадерском полку, причем оба они проходили через Рожище не в 1813г., а в 1815 г.⁸⁵. В итоге губернское правление постановило предоставить всем шестерым полную свободу вернуться на родину, а экономии в наказание обязало платить подати за четырех незаконно приписанных в крепостные человек до следующей ревизии. Константин Павлович утвердил это решение и в феврале 1825 г. бывшие пленники получили паспорта⁸⁶. Ни одного из них нет в алфавите.

Из четырех пленных, ставших затем белостокскими мещанами, и просивших в 1824 г. позволения вернуться на родину в алфавите фигурируют только трое - Готлиб Готфрид Райз (назван Рейзом), Готфрид Гофман и Иван Иванчук (записан как Иванчух). Четвертого, Карла Райфани, идентифицировать не удалось. Из прошения видно, что причиной, побудившей бывших пленных ходатайствовать о возвращении явилось окончание десятилетнего срока освобождения от повинностей и попытка

властей обложить их податями. В итоге управляющим Министерством внутренних дел С. В. Ланским просьба была удовлетворена⁸⁷.

Нет в алфавите и двух бывших польских пленных, позднее могилевских мещан, Каетана Клеха и Валентия Янишевского⁸⁸. В 1826 г. они подали просьбу о возвращении на родину, в Царство Польское⁸⁹. Просители сообщили, что после трехлетнего пребывания в Могилеве *«неизвестно по какому поводу, помимо их желания»* они были записаны в мещане *«с положением в подушный оклад»*. Если считать эти показания правдивыми, то налицо нарушение законодательства, поскольку пленным должны были предоставить десятилетнюю льготу. Причиной же ходатайства о возвращении стала необходимость платить подати, чего они не могли делать *«по слабости здоровья, изнуренного военной службой и по крайней бедности»*⁹⁰. Впрочем, поскольку до 1826 г. просителей ничто не тяготило, есть основание предположить, что льгота им была предоставлена, и как раз к 1826 г. истекла.

Отсутствуют в алфавите и многие пленные, оставшиеся в России, но фигурирующих в «персональных» делах, оставшихся от ОК МП и ОК МВД. Из 11 таких дел 1 относится к 1817 г., 7 к 1825 г. и 3 к 1826 г., и следовательно приходятся на те годы, за которые сохранность дел по особым канцеляриям выше всего, что в свою очередь позволяет объяснять отсутствие подобных частных дел за другие годы именно особенностью сохранности фондов. Из 15 человек, фигурировавших в этих делах, в алфавит попали только четверо (и еще двоих можно идентифицировать с некоторой долей сомнения). Так не попали в алфавит Аркадий Александров сын Бетнеров, служивший доктором в 3-м гвардейском уланском полку, взятый в плен в Бородинском сражении, затем принявший присягу и живший в г. Мензелинске Оренбургской губернии. В 1817 г. он подал губернатору прошение о разрешении ему носить орден Почетного легиона, который был получен за то, что его кавалер *«излечил от тяжелых военных ран корпусного генерала и флигель-адъютанта, находящегося при главной квартире»*. При пленении Бетнеров лишился всех документов и не решался носить орден, но ввиду того, что *«по блистательном мире российской державы с Франциею она находится под ея союзом»*, просил позволения вновь носить награду, которая служила бы *«явным и непреложным знаком»* его *«поведения и знания в докторском искусстве»*. О прошении было доложено Вязмитинову, который затребовал от бывшего пленника подробных показаний для передачи во французское посольство с целью проверки⁹¹.

В начале 1825 г. французское посольство обратилось к Санкт-петербургскому военному генерал-губернатору М. А. Милорадовичу с просьбой выдать вид на временное проживание в столице военнопленному Иосифу (Жозефу) Тору, 31 года, уроженцу французского города Асбрука, взятому в плен под Витебском, приехавшему в Петербург из Симбирска и желавшему вернуться в отечество. Поскольку ни в Симбирске, ни в Астраханской губернии, где Тор, по собственным показаниям жил с 1812 по

1822 г. и работал на ткацкой фабрике, никаких документов о нем не нашлось⁹², его можно предположительно идентифицировать с Жозефом Тором, который был согласно алфавиту когда-то голландским подданным, а затем саратовским колонистом. Уехав из Астраханской губернии, он жил в разных городах и занимался продажей гипсовых фигур. Тот факт, что попытка подобной идентификации, судя по делу, в 1825 г. властями проведена не была, свидетельствует о весьма небрежном отношении к вопросам, связанным с пленными, либо о том, что публикуемого алфавита у чиновников под рукой не было. Ускользнул от внимания властей при составлении алфавита и Исаак Томашев сын Вукомирович, проживавший в Витебской губернии (числился как «*кroat*», уроженец г. Госпич в Хорватии, 7 лет служил в австрийских и французских войсках капралом, взят в плен в 1813 г.). Видимо, во исполнение предписания от 29 августа 1813 г. он не был приведен к присяге, а высочайшее повеление августа 1814 г. почему-то до витебских властей не дошло. Вследствие этого, Вукомирович с февраля 1815 г. жил по временным видам, пока, наконец в 1825 г., «*видя себя бесполезным ни одному отечеству*» не обратился к властям за окончательным решением – либо позволить ему присягнуть России, либо отпустить на родину. В итоге Вукомирович был приведен к присяге и причислен в витебское мещанство⁹³.

В том же 1825 г. с просьбой о принятии в подданство обратился и Ноэль Францов сын Перио (может быть, это Жан Перифо из алфавита). Он был оставлен в 1814 г. в г. Нежине по болезни, а по выздоровлении «*не имея способов возвратиться в отечество находился он... у разных помещиков Полтавской и Черниговской губерний в услугах*». К прошению Перио приложил свидетельства, выданные ему помещиками Горленкой и Миницким, «*у коих он находился, в добропорядочном поведении*». Губернские власти не решились привести его к присяге, поскольку циркулярное предписание от 5 августа 1814 г. запрещало приводить к присяге пленных французов после объявления об отправке их в отечество. В итоге лишь управляющий министерством внутренних дел позволит допустить Периона к присяге и избранию затем рода жизни⁹⁴.

Отсутствует в алфавите и проживавший в 1825 г. в Вилькомирском уезде в фольварке Дембово недалеко от Шат француз из пленных Жан Сильво (Silvaud). Он был женат на дочери бывшего ковенского полицмейстера Вестенгольца Варваре, имел сына Ивана (5 лет, дочерей Стефанию (4 лет) и Амелию (1,5 лет). В услужении при нем состоял Габриель Жакелен (Jacquelin), также бывший пленный, который в России семьей не обзавелся (и в алфавите тоже отсутствует). В 1826 г. они просили позволения отправиться на родину. Причем Сильво собирался, оставив жену с дочерьми на попечение ее родственников, выехать лишь на время с сыном, чтобы показать его своим родным и получить наследство. В итоге министр внутренних дел дал согласие на выезд Сильво, обязав его непременно возвратиться. Жакелену же позволялось покинуть Россию навсегда⁹⁵. Нет и унтер-офицера Санкт-Петербургской полиции Копертинского, находившегося прежде в австрийской службе, взятого в 1812 г. в плен и не имевшего

возможности сперва по болезни, а затем по недостатку средств возвратиться на родину. В итоге он в 1816 г. вступил в службу рядовым в Лубенский гусарский полк, в 1820 г. за неспособностью «к фрунтовой службе» был переведен в петербургскую полицию, а в 1825 г. вновь ходатайствовал о возвращении в отечество. Управляющий министерством внутренних дел, учитывая, что в указе о возвращении пленных нет пункта о тех, кто вступил в российскую службу, предоставил решать вопрос генерал-губернатору Милорадовичу⁹⁶. В 1825 г. просил о возвращении на родину и не значащийся в алфавите взятый под Борисовым 29 ноября 1812 г. су-лейтенант 57-го линейного полка Пиньо (Pignot), живший в Минской губернии. Принимал ли Пиньо присягу, неясно, но в отношении Нессельроде к Ланскому, он назван французским подданным. Хотя французский посол выдал бывшему пленнику 100 руб. на путевые издержки для отправления во Францию, тот возвращаться передумал, во-первых, потому что после смерти жены у него остались два сына, а во-вторых «по отысканию себе... службы, из которой может иметь с детьми содержание»⁹⁷. Нет в алфавите и Сиверина Антона Кисталера – подпоручика французской почетной гвардии, который, имея выданный ярославским губернским правлением билет «на свободное везде проживание», находился в 1826 г. в Костроме и подал прошение о поездке на родину на год. Кисталер был женат на дочери подпоручика Баскакова, имел сыновей Александра и Ивана. Управляющий Министерством внутренних дел дал свое согласие на годовую поездку Кисталера на родину⁹⁸. Весьма показательна для характеристики особенностей пребывания пленных в России и история двух нижних чинов наполеоновской армии, живших в Могилевской губернии, только в 1825 г. обратившихся к властям с просьбой о принятии их в подданство и тоже не попавших в алфавит. Один из них, французский дворянин Жан Генрихов сын Реве служил в 1812 г. сержантом в 19-м линейном полку, был ранен и взят в плен прапорщиком артиллерии Бартеневым близ Вильны. Реве находился при нем «до излечения полученных ран, вел себя благопристойно как честному человеку прилично», и затем занимался у нескольких помещиков обучением детей. Второй, французский унтер-офицер из дворян Николай Иванов сын Флиокверель, попал в 1812 г. в плен, «за ранами и увечьями также остался в России». Управляющий Министерством внутренних дел потребовал от губернских властей объяснений, почему эти пленные столько лет в нарушение законодательства жили без присяги. Однако ответ последовал после неоднократных напоминаний только в августе 1829 г.⁹⁹. Дело в том, что власти не могли оперативно найти Реве, который отправился на жительство к помещику Шупинскому в Смоленскую губернию. Позднее он показал, что присяги от него никто не требовал, более того, он сам явился в могилевскую гимназию, сдал экзамен по французскому языку и получил разрешение на право его преподавания. Флиокверель же жил у могилевской помещицы Московичевой, которая за незаконное его «передержательство» была оштрафована на 10 руб. еще в 1825 г. Пока происходило выяснение всех этих обстоятельств, выяснилось, что бывший пленник в 1827 г. умер¹⁰⁰. Реве же в

итоге был приведен к присяге на подданство только 31 мая 1830 г. О приписке же его в мещанство вопрос снова отложился, поскольку могилевская казенная палата затребовала у него свидетельство о браке и о рождении детей. Жену Реве звали Амелия, они имели сына Иосифа 15 лет и дочерей – Марью, 13 лет и Иозефу, 12 лет¹⁰¹. Показательно, что хотя оба они находились в поле зрения властей, за 14 лет вопрос об их подданстве не поднимался. Объясняется это скорее всего тем, что при общей невысокой эффективности контроля за населением, живя у частных лиц и занимаясь свободными профессиями, они смогли избежать приписки к податным сословиям, что обуславливало необходимость и присяги. Они как бы растворялись в массе иностранных подданных, живших в России. Подобно многим иностранцам, жившим и служившим в России, не имел российского подданства и бывший пленный доктор Генрих фон Роос, ставший к концу карьеры главным доктором Мариинской больницы¹⁰².

Из 18 бывших пленных поляков, живших согласно данным розыска 1828 г. в Тобольской губернии, однозначно идентифицируются по алфавиту только 10 человек. Винцентий Грубинский, Венедикт Берлинский, Осип Валентеевич, Восчег Сучинский, Василий Бролицев, Андрей Мартынов, Иван Яцынский и Игнатий Карпович в алфавит не попали¹⁰³.

Конечно приведенные данные, хотя выборка и нерепрезентативна из-за неравномерной сохранности дел по годам, все же производят очень неблагоприятное впечатление относительно полноты алфавита и качества учета пленных, поскольку часть их находилась и в губерниях, данные по которым в документ все же попали. Так что, если учесть еще и неполную сохранность фондов других центральных учреждений, то установление числа лиц, оставшихся в итоге в России довольно проблематично. В какой-то степени может помочь тут лишь внимательное изучение провинциальных архивов, к чему мы и призываем своих коллег.

В алфавите масса неточностей. Имеются сбои и повторы нумерации, что свидетельствует о невнимательности его составителей. Содержание графы «где присягнул», соответствует названию, она скорее отражает сведения о том, в какой губернии находился пленный. По ряду губерний сделаны оговорки о том, что тот или иной пленник не присягал, но например такой оговорки нет напротив Буайе, который точно в Казани присяги не принимал. Особенное значение это обстоятельство имеет для указанных в алфавите офицеров, вопрос о вступлении в подданство и принятии на службу которых мог затягиваться в связи с существованием упомянутого выше указа от 4 июля 1813 г. и соответствующего циркуляра Министерства полиции. У пленных из Кавказской губернии не указаны чины, в которых они служили в Великой армии – вероятно, местные власти забыли их вписать. Есть повторы фамилий, иногда очевидно перепутаны фамилия и имя. Кроме того, надо иметь в виду, что списки составлялись изначально русскими провинциальными чиновниками, не знавшими иностранных языков, а затем переписывались в алфавит министерскими чиновниками, также не отличавшимися высоким образованием, и поэтому фамилии и имена в ряде

случаев искажены до неузнаваемости. Граф И. О. Симонич записан как Семонич, фигурирующий позднее в одном из журналов Комитета министров – причисленный, кстати, в вологодское мещанство только с 1815 г., а отнюдь не с 1814 г. – голландский подданный Яков Дремер¹⁰⁴, в алфавите значится австрийцем и записан как Дрешель, а знаменитый саратовский Николая Савен назван Пьером. Швейцарский рядовой Иосиф Горибольди вероятнее всего был Гарибальди. Итальянские нижние чины Сильвестр Мартини и Анжен Мариан записаны как французы Сильвестр Мартий и Анжель Маруган¹⁰⁵.

Тем не менее, по алфавиту числится 1413 взрослых пленных мужского пола, из которых 1 генерал, 20 обер-офицеров (преимущественно капитаны и поручики), 76 унтер-офицеров, 162 нестроевых, 965 рядовых, 19 медиков различных чинов и 170 человек неизвестных чинов (в основном это пленные поляки на Кавказе, чины которых, в алфавите не указаны). Кроме этого значатся 34 женщины, являющихся женами пленных (преимущественно поляков в Вильно) и 11 детей. Обращает на себя множество поляков, обосновавшихся в Виленской губернии, в значительной части не принявших присягу (притом, что жительство пленных без присяги по законодательству было невозможно). По национальному составу на первом месте идут немцы, за ними поляки, французы и прочие. В основном пленные записывались в мещане, шли в услужение или занимались земледелием.

Как видно из сказанного выше на протяжении 1810-1820-х гг. имел место постоянный поток стремившихся вернуться на родину пленных. Приведем еще несколько случаев.

16 сентября 1814 г. из Вологды через Ярославль был отправлен в Радзивилов итальянец Поленти, ранее просивший разрешения принять подданство¹⁰⁶. 19 января 1815 г. из Костромы через Ярославль посредством земской полиции был отправлен на родину польский рядовой Аксентий Кохановский, уже вступивший до того в российское подданство, но изменивший свое решение¹⁰⁷.

В 1823 г. подал прошение о возвращении на родину и саратовский мещанин Николай Кюттар (подпись Nicolas Cutedo), также бывший пленный. Об увольнении из российского подданства он просил вместе с детьми. Из паспорта, выданного в саратовском губернском правлении явствует, что просителю было 36 лет и он «*заочно женат*»¹⁰⁸. Разрешение на выезд, по всей видимости, было получено, поскольку в октябре 1823 г. управляющий министерством внутренних дел Ланской предписал саратовским властям исключить его из оклада, а Санкт-Петербургскому военному губернатору выдать для бывшего пленника паспорт на проезд за границу. Впрочем, было ли исполнено это решение неясно, поскольку на полях отпуски предписания саратовскому губернатору имеется помета: «*велено удерживать*»¹⁰⁹.

В ноябре 1824 г. правитель Белостокской области сообщил Константину Павловичу о желании возвратиться еще двух проживавших в Белостоке саксонских пленных: Иоганна Фридриха Юнгана (присягнул в 1813 г.) и Августа Лубша (присягнул в 1815 г.)¹¹⁰. В алфавите Юнган фигурирует рядовой как Фридрих Юнканд, а Лубш как Фридрих Август Лубше.

Возможно, фиксирующееся по документам усиление потока реэмигрантов в 1820-е гг. связано не только с особенностями комплекса сохранившихся источников, но и с тем, что в это время заканчивалась данная пленным 10-летняя льгота по налогам и повинностям, в связи с чем материальное положение должно было ухудшиться.

В 1829 г. подал ходатайство о возвращении на родину и упоминавшийся выше ярославский мещанин Жан Даге, уроженец г. Корбеля в департаменте Сен-и-Оаз. Он решил воспользоваться указом 17 августа 1814 г., чего не мог сделать ранее *«по разным обстоятельствам по приключившейся болезни»* и обратился с просьбой к французскому посольству об исходатайствовании ему выезда за границу. В связи с тем, что Даге не имел *«никаких способов к своему содержанию»*, французский поверенный в делах поддержал его ходатайство, обратившись в российское Министерство иностранных дел. В связи с этим 28 февраля 1829 г. Нессельроде запросил ярославского губернатора, не имеется ли препятствий к отъезду бывшего пленника¹¹¹. В результате ярославская городская дума выяснила, что Даге холост, но за ним числится долг по повинности в размере 4 р. 47 коп., а кроме того он не заплатил 40 руб. за лечение в городском лазарете¹¹².

В 1820-1830-х гг. продолжается законодательная активность властей направленная на то, чтобы окончательно урегулировать статус бывших военнопленных Великой армии, оставшихся в России, и в первую очередь установить твердые правила, касающиеся их возвращения на родину.

В 1823 г. новый министр финансов Е. Ф. Канкрин возбудил вопрос о необходимости дополнительных распоряжений по причислению присягнувших пленным в податные состояния и внес 28 мая соответствующую записку в Комитет министров. В записке говорилось, что казенные палаты, при рассмотрении ряда частных случаев, затрудняются в распространении 10-летней льготы на пленным, не знающих никакого ремесла, и не решаются освободить от оклада уже обложенных им пленным. Смущало министра финансов и то, что более 500 бывших пленным были записаны в мещанство *«по городам не только великороссийским, но и присоединенным от Польши, где им воспрещено иметь жительство»*. Из последней фразы следует вывод, что предписание 3 ноября 1814 г., снимавшее ограничение на расселение пленным, властями было уже забыто, и принималось во внимание лишь положение Комитета министра 19 сентября 1813 г. Министр финансов предлагал десятилетнюю льготу от налогов и повинностей, дарованную ремесленникам, записанным в мещане по положению 1813 г., и распространенную в 1814 г. на вступающих в колонисты, распространить и на не знающих ремесла пленным, если они при записке в мещанство или при приписке к казенным крестьянам не были до сих пор положены в оклад. Необходимость в такой норме свидетельствовала о том, что процесс юридической и социальной инкорпорации в русское общество бывших пленным и через 10 лет после окончания войны не был завершен. Однако на тех, кто еще не воспользовался *«сим правом общей льготы»* (т. е. видимо, на уже приписавшихся к какому-то сословию),

предложения министра финансов не распространялись, поскольку по его мнению, эти пленные уже снискали уже достаточные средства для платежа податей. Казенные палаты должны были в течение года предоставить в министерство финансов списки пленных как включенных в оклад, так и тех, кто должен был остаться от него свободным. Таких пленных, которые водворились в губерниях, где жительство им было запрещено, *«по уважению сделанного ими обзаведения хозяйством»* предписывалась оставить на месте *«подтвердив строжайше местным начальствам о непременном впредь наблюдении изданных по сему предмету правил»*. 23 октября 1823 г. Комитет министров поддержал эти предложения министра финансов, а 19 февраля 1824 они были утверждены царем. А 23 мая Сенат по представлению министра финансов обнародовал положение Комитета министров в виде указа, что должно было обеспечить лучшую информированность о нем местных властей¹¹³.

Как видно из дела 1834 г., при выдаче разрешений на выезд, власти обычно опирались не только на указ 17 августа 1814 г., но и на более ранние законодательные акты, частности на высочайший манифест 22 февраля 1784 г., обещавший иностранцам, желающим вступить в российское подданство, свободу вероисповедания, свободу предпринимательства, равные права с прочими подданными империи, а также свободу выхода из подданства. Однако условием такого выхода была уплата за три года вперед податей¹¹⁴.

Для понимания мотивов правительственной политики в вопросе о репатриации бывших пленных, принявших подданство, весьма показательным делом о четырех австрийских подданных, проживавших в Оренбургской губернии, которые в январе 1825 г. обратились к Нессельроде с просьбой помочь им вернуться на родину. Они жаловались, что ни один из частных начальников не объявил им указов о разрешении пленным вернуться на родину. Просителями были Девицалий Ринальдо (в алфавите Рональд Девицаль) из Венецианской республики, служивший в 1-м конноегерском полку, его земляк Антонио Деляго (Антоний Таляго) из 3-го конноегерского полка, а также уроженцы Венгерского королевства Иоанн Венделло (Ян Вейдель) из 12-го польского уланского полка и Стефан Верожский (он же Стефан Вереш) из 9-го польского уланского. Ринальдо жил в Стерлитамаке, остальные трое в Бугуруслане. Министерство внутренних дел выяснило, что к 1825 г. у всех четверых закончилась 10-летняя льгота, данная после причисления в мещанство. Деляго был женат на крестьянской девке Пелагее Григорьевне Таразановой и имел от нее восьмилетнего сына. Венделло был женат на солдатской вдове Екатерине Ивановой, имел сына Ивана 4 лет, а также дочерей Елизавету 7 лет и Агафью 6 лет. Верожский и Ринальдо были холостыми. Оренбургский военный губернатор выступил категорически против выдачи разрешения на отъезд всем четверым, утверждая, что вступили они в российское подданство добровольно и решили покинуть Россию лишь тогда, *«когда миновалась льгота»*¹¹⁵. Министр финансов полагал возможным отправить их на родину. Сам управляющий Министерством внутренних дел С. В. Ланской предлагал отправить на

родину только холостых, женатых же на русских подданных и имеющих детей он считал отпускать невозможным. Позицию Ланского поддержал и Нессельроде, что видимо и определило окончательное решение, сообщенное в Оренбург в марте 1826 г.¹¹⁶. Впрочем на деле отправлен из России был лишь Верожский, а Ринальдо, как сообщил оренбургский военный губернатор в апреле 1827 г., отыскать не удалось – он как будто растворился на пространствах империи¹¹⁷.

В мае 1826 г. управляющий Министерством иностранных дел К. В. Нессельроде сообщил в МВД, что по докладу «бывшего начальника штаба» (вероятно, Главного штаба) о состоявших в Отдельном Сибирском корпусе нижних чинах, которые после добровольной присяги на подданство России, изъявили желание возвратиться в отечество, покойный император Александр повелел позволить возвратиться холостым, а из числа женившихся, но бездетных только тех, чьи жены согласятся следовать за мужьями, «*ибо расторжение браков противно нашим церковным законам*». Женатых же и имеющих детей следовало оставить в Сибирском войске, «*ибо неудобно разлучать отцов с их семействами*»¹¹⁸.

При решении дел о возвращении бывших пленными чиновники МВД опирались также на разъяснение вице-канцлера от 11 сентября 1829 г., согласно которому уволенные из российского подданства военнопленные должны были немедленно следовать за границу, не оставаясь ни под каким видом в России¹¹⁹.

30 марта 1834 г. министр внутренних дел Д. Н. Блудов представил в Комитет министров проект правил о возвращении пленными. Согласно сопроводительной записке поводом к его составлению стали два затруднительных для чиновников случая: на родину хотели вернуться бывший унтер-офицер 24-го егерского полка Николая Савен и бывший голландский подданный, а затем военнопленный Яков Дремер. Савен после присяги стал хвалынским мещанином, в 1816 г. женился на купеческой дочери, имел четверых детей, воспитанных в православии, был готов внести трехлетнюю подать, жена его на отъезд вместе с мужем была согласна¹²⁰. Дремер с начала 1815 г. был приписан к вологодскому мещанству, но, прожив 9 лет в Вологде, уехал в 1824 г. Нижний Новгород, вернулся в 1827 г. обратно с паспортом от голландского посланника и обратился с просьбой о выдаче ему разрешения на выезд на родину. В мае 1829 г. вологодская казенная палата постановила, что увольнение Дремера из подданства возможно только после уплаты им за время жительства в Вологде недоимки в размере 8 р. 43 коп., о чем и сообщила в Нижний Новгород. Нижегородские власти никак на это сообщение не отреагировали, а между тем Дремер уплатив только недоимку, не в состоянии по бедности заплатить трехлетней подати. В итоге губернские власти Вологды ставили вопрос, можно ли выдать бывшему пленнику вид, установленный для иностранцев, поскольку из Нижнего Новгорода он прибыл, не имея русских документов¹²¹. Из этих случаев ясно, что основными неурегулированными в законодательстве

проблемами был наличие у бывших пленнх жены и детей, а также затруднительное материальное положение.

Согласно первоначальному варианту правил, предложенных Блудовым, всякий пленный, желающий возвратиться в отечество, должен обратиться к начальству той губернии, в которой он проживает. Губернатор должен выяснить, может ли проситель заплатить трехлетнюю подать и немедленно выехать за границу. Если же проситель был действительно бедный, то уплату трехлетней подати ему могли простить, однако в случае отсутствия денег на немедленный отъезд, в просьбе полагалось отказывать, поскольку выплата подъемных считалась для казны обременительной. Пленным разрешалось выезжать с женой и детьми, если жена иностранка. Все пленные, которые уже получили разрешение на выезд, но не реализовали его поскольку были не в состоянии заплатить трехлетнюю подать и собрать деньги на отъезд должны были быть записаны «*в первобытное состояние*». Увольнение из подданства могло осуществляться только через губернское правление, которое каждый раз испрашивало бы через губернатора разрешение в МВД. Эта оговорка связана с тем, что вологодская казенная палата самовольно решила вопрос об освобождении от подданства Дремера. Следующий пункт касался пленнх, женатых на русских подданных. Министр внутренних дел предварительно сообщил вице-канцлеру, что в их отношении необходимо постановить постоянное правило. Нессельроде согласился с этим и счел необходимым, чтобы высочайшее повеление, данное в 1826 г. касательно нижних чинов, состоящих в Отдельном Сибирском корпусе, было распространено на всех пленнх, прибавив, что согласно с этим правилом можно было бы разрешить навсегда возвращаться в отечество только бездетным и притом в таком лишь случае, если жены согласятся следовать за мужьями. Прочих же женатых, а также имеющих детей, по мнению вице-канцлера, увольнять из подданства, позволяя им уезжать навсегда из государства, без высочайшего повеления не следовало. Впрочем, Нессельроде предоставил Блудову испросить по этому поводу особое высочайшее повеление¹²².

В ходе рассмотрения этого вопроса чиновники МВД вспомнили и о старой норме, зафиксированной еще в указе 6 сентября 1743 г., согласно которой, женившиеся в России, но желавшие вернуться в отечество пленные давали расписку, что в случае их невозвращения в течение года или двух жены автоматически освобождались от уз брака¹²³.

Как видно из записки министра внутренних дел 30 марта, на формирование правил повлияли и еще несколько административных прецедентов. Так управляющий Министерством внутренних дел в отношении к управляющему Министерством иностранных дел от 15 февраля 1824 г. полагал, что военнопленный Дегенс может быть уволен из российского подданства с тем, чтобы он немедленно покинул Россию без предоставления ему возможности жить в ней на правах иностранцев после исключения из подданства¹²⁴. Более того, вице-канцлер в отношении к управляющему МВД от 11 сентября 1829 г., полагал, что такой подход должен применяться не

только к пленным, но и прочим желающим покинуть Россию бывшим иностранным подданным¹²⁵. Наконец Комитет министров 10 января 1831 г. предоставил возвратиться на родину с женой и детьми бывшему французскому подданному Иосифу Бонку, принявшему уже российскую присягу и записавшемуся в мещанство¹²⁶.

В итоге в окончательном варианте проекта добавились некоторые подробности. Появился пункт о том, что бывшие пленные должны покинуть место жительства в течение двух месяцев с момента дозволения, в противном случае они записывались «*в прежнее состояние*». Задержка с выездом могла быть оправдана только внезапной болезнью, подтвержденной соответствующим образом. Среди вопросов, которые должен задать пленному губернатор появились вопросы о наличии детей и согласии жены и совершеннолетних детей выехать за границу, а также о наличии частных или казенных долгов, неисполненных контрактах и судебных претензиях к просителю. По бедности бывшим пленным могли быть также прощены кроме трехлетней подати и казенные недоимки. Безусловным препятствием к выезду являлись неисполненные частные или казенные контракты, частные долги и общественные повинности, требующие личного присутствия. Получали право выезжать не только жены-иностранки, но и жены, имеющие русское подданство, но придерживающиеся иностранного исповедания (в обоих случаях с детьми). Как они, так и иностранки, должны были дать согласие на выезд. При отсутствии же такового муж мог уехать один, но малолетние дети обоих полов оставались при матерях, а в случае продолжительной или безвестной отлучки мужей жены имели право требовать расторжения брака на основании законов той церкви, к которой они принадлежат. Совершеннолетние дети от этих браков могли уехать с отцом на общих основаниях, малолетних же можно было взять с собой только в случае смерти матери. Женатым же на православных выезд дозволялся только с высочайшего повеления. Условием обращения к царю в такой ситуации через МВД было согласие жен на выезд и письменное обещание их воспитывать детей в православии. Не могли уехать без высочайшего соизволения и совершеннолетние дети, рожденные от православных матерей¹²⁷. Комитет министров рассмотрел это дело на заседании 10 апреля 1834 г. и решил, что поскольку «*правила требуют ближайшего соображения с существующими законами и заключают в себе особенный образ приложения оных в отношении к женам военнопленных и детям их, прижитым в России*», его следует передать в Государственный совет¹²⁸. Государственный совет, рассмотрев дело 16 мая в департаменте законов и 17 сентября 1834 г. в общем собрании, разрешил, поскольку случаев, подпадающих под правила весьма не много, министру внутренних дел рассматривать такие дела самому и испрашивать по ним высочайшие повеления. Государственный совет предоставил министру внутренних дел решить дела по прошениям Савена и Дремера частным порядком, подтвердить казенным палатам запрещение самостоятельно увольнять кого-либо из подданства и направить начальникам губерний перечень сведений,

которые должны предоставляться при прошениях бывших пленных о возвращении на родину. При этом Государственный совет особо отметил, что дозволение бывшим пленным, женившимся в России и имеющим детей, особенно малолетних, оставлять свои семейства и выезжать из России *«представляет в себе неудобство»*, тем более, что они пользовались льготами¹²⁹. В октябре 1834 г. мнение Государственного совета было утверждено царем¹³⁰.

Следует отметить, что и само довольно позднее появление детально разработанных правил о возвращении пленных связано с тем, что этот вопрос затрагивал весьма ограниченный круг лиц и находился на периферии внимания властей. Что же касается существа предложенных правил и предшествовавшего им законодательства о выезде, то обращает на себя внимание важная роль религиозного фактора, который оказывался сильнее и экономических, и этических соображений.

Неполнота учета и проблемы с контролем за населением огромной империи, а также постоянный поток возвращавшихся пленных давали основание европейским державам предполагать наличие в России множества тайно содержащихся пленных.

Для розыска пленных по России отправлялись даже специальные эмиссары иностранных правительств. Так, 4 февраля 1818 г. Вязмитинов подписал открытый лист на имя поручика ганноверской службы и полномочного комиссара Генриха Мейера, которому был поручен поиск прусских, вюртембергских и прочих государств бывшего Рейнского союза подданных, взятых в плен в 1812 г. В этом листе всем местным властям предписывалось доставлять *«ему нужные вспомоществования и сведения как о тех прусских и других подданных, кои с начала кампании 1812 г. находились внутри империи, так и о učinивших присягу на верноподданство России, об умерших в госпиталях или других частных заведениях, а наконец и об отправленных в отечество»*¹³¹. Для исполнения своей задачи, Мейер, как он писал 25 апреля 1819 г. по прибытии в Ярославль гражданскому губернатору, *«предпринял из Санкт-Петербурга... путешествие»* в те губернии, где по его предположению *«военнопленные разных бывшего Рейнского союза наций в наибольшем числе находились»*. В связи с этим он просил губернатора выдать ему из архива для изучения дела о пленных¹³². До Ярославля Мейер успел побывать в Вятке и Владимире, а затем намеревался ехать через Кострому в Вологду. К 30 апреля он уже познакомился в Ярославле с необходимыми ему бумагами и просил в случае получения на его имя писем, отправлять их в Петербург в великобританско-ганноверское посольство¹³³.

Надо сказать, что подчас иностранные дипломаты имели и личный интерес к теме военнопленных. Так брат французского дипломата, поверенного в делах в Петербурге (1828-1832 гг.) барона Поля Бургуэна – также участника похода 1812 г. - Арман Бургуэн побывал в русском плену. Позднее Поль описал пребывание брата в плену в литературной форме, издав под своим именем так называемый *«Дневник Альфреда»* с 1 января 1813 г. по 8 февраля 1814 г.¹³⁴.

Об актуальности вопроса бывших пленнх, якобы в большом количестве удерживаемых российскими властями в Сибири, свидетельствует наличие соответствующего дела, которое производилось с 1821 по 1829 гг. в Министерстве внутренних дел и использовалось для составления справок еще в 1835 и в 1842 гг. Дело это, к сожалению, до сих пор не обнаружено и сохранилось ли оно, неизвестно, однако кое-какая информация из него содержится в делах более позднего времени¹³⁵.

Вопрос о численности пленнх, оставшихся в Сибири, рассматривался Комитетом министров 4 ноября 1824 г.. Поводом послужило направленное в Петербург представление оренбургского военного губернатора об освобождении от крепостных работ 25 бродяг, *«исправивших свое поведение»*, среди которых было и 5 пленнх поляков. Поскольку полученные сведения свидетельствовали о неполном выполнении предписания о возвращении пленнх, император, как сказано в журнале Комитета министров, выразил неудовольствие и повелел собрать сведения о тех из них, кто еще находился в России¹³⁶. Дата повеления в журнале не упомянута, но по всей вероятности имелось в виду упоминавшееся в позднейшей переписке на эту тему повеление, объявленное в отношении К. В. Нессельроде 24 мая 1824 г. Ланскому¹³⁷. В связи с этим повелением управляющий Министерством внутренних дел на основании *«точнейших сведений»*, полученных от начальников губерний, сообщил 30 октября в Комитет министров, что число оставшихся в России пленнх *«простирается до 1800 чел»*. Он указал также, что эти люди, по большей части поляки, остались в России по собственному желанию, присягнув на подданство, избрав род жизни, и занимаются разными ремеслами, а частью и хлебопашеством. *«Никто из них против желания удерживаем не был, но очень многие из присягнувших на подданство воспользовались высочайшим указом, по сему предмету изданным, и быв исключены из обществ, к которым принадлежали, возвратились в отечество»*. К сожалению, выяснить происхождение цифры в 1800 чел. пока не представилось возможным, однако она опять же может свидетельствовать о неполноте алфавита. Но, тем не менее, и в этом случае она говорит о весьма скромных масштабах невозвращенчества. *«Некоторые статьи в иностранных газетах, разные просьбы частных лиц, желающих получить сведения о жребии родственников их, в достопамятной войне 1812 года погибших - продолжал управляющий министерством внутренних дел, - подавали повод к непрерывным о бывших военнопленнх справкам, из коих постоянно оказывалась ложность распространяемых слухов и точное удостоверение, что в России не находится более других военнопленнх кроме тех, кои основали здесь постоянное жительство, вступили в подданство, частью оженились и теперь уже должны быть признаны подданными российскими. Сведения же сии были несколькократно доставляемы Министерством внутренних дел Министерству иностранных дел по требованиям его для доклада его императорскому величеству»*. Текст журнала Комитета министров был доведен до высочайшего сведения 25 января 1825 г.¹³⁸.

Из дела 1835 г. известно, что в результате розыска 1824 г. в Сибири было обнаружено 6 бывших пленнх, трое из которых тогда же были отправлены во Францию, а остальные, женившиеся и обзаведшиеся детьми, не имели права возвратиться на родину¹³⁹.

В 1828 г. французское правительство просило разыскать французского пленного лекаря Жака Шапюи, который был взят в 1812 г. в Вильне, отправлен, будто бы в Сибирь и находился вместе с другими пленными в Камчатке. В связи с этим последовало очередное высочайшее повеление собрать сведения о содержащихся в Сибири бывших пленнх, желающих вернуться на родину. В Омской области тогда было *«военнопленных вовсе не найдено, кроме пяти поселенцев, сосланных в Сибирь за бродяжничество и показывающих себя австрийскими подданными»*. В Томской же губернии отыскалось несколько пленнх, приписанных к казенным волостям. Юзеф Франкеев (вероятно, поляк) был взят в плен под Борисовым, затем служил в Сибирском линейном казачьем войске и на родину возвращаться не хотел. Французы Вейсошь, Камбе (по миропомазанию Ивановы) и Альберт (он же Васильев) поступили в подданство добровольно, и хотя подавали в 1825 г. прошение о возвращении на родину, но получили отказ, поскольку их новые жены следовать за ними отказались. Кроме того, в Томске были обнаружены еще 4 французских пленнх: Николаус Келлер, Генрих Бене, Генрих Кирши и Петр Родимахер. Все они были сосланы в Сибирь из Саратова за убийство одного *«тамошнего»* мещанина. Родимахер по ошибке местных властей был отправлен на родину, а остальные хотя и просили об этом, но в 1831 г. по решению Комитета министров получили отказ. Из Енисейской губернии сообщали, что там находились трое военнопленных французов (Гернер, Оже и Родеман), которые однако в 1826 г. по их желанию были отправлены за границу. Больше всего обнаружили пленнх в Тобольской губернии – целых 18 человек: Юзеф Павловский, Михаил Залеский, Готлиб Якубович, Петр Яньковский, Иван Денисов, Юзеф Цезельский, Михайло Валецкий, Вицентий Грубиновский, Венедикт Берлинский, Станислав Блажевский, Филипп Лидоковский, Осип Валентеевич, Максим Григоровичев, Восчег Сучинский, Василий Бролищов, Андрей Мартынов, Иван Яцынский и Игнатий Карпович. Все они стали российскими подданными, обзавелись домами и возвращаться на родину не желали. Впрочем, французские власти высказали подозрение, что эти люди, чтобы избежать возвращения на родину, умышленно присвоили себе русские и польские имена. В результате российской администрации пришлось собрать показания о месте рождения каждого из этих бывших пленников и представить эти данные французскому посольству¹⁴⁰.

Французское правительство внимательно отслеживало случаи перемены подданства и безотносительно проблемы оставшихся в России военнопленных эпохи 1812 г. Так французский посол герцог де Мортемар в августе 1829 г. обратился в российское Министерство иностранных дел с просьбой предоставить список французов, присягнувших в последнее время на подданство России, а также регулярно впредь сообщать подобную

информацию. По словам посла, сведения эти нужны были для того, чтобы французские власти могли оказывать свое покровительство только тем, кто не потерял на него прав, переменяв подданство¹⁴¹. Впрочем, к тому времени учет новых российских подданных был уже налажен III Отделением, в чьем ведении находились все вопросы, связанные с иностранцами: 27 января 1829 г. оно сообщило МВД для сведения разосланное губернаторам предписание о присылке месячных ведомостей о лицах, вступивших в российское подданство¹⁴².

Свидетельством постоянного внимания европейского общества и, следовательно, дипломатов к проблеме бывших пленных и вообще к судьбам исчезнувших в 1812 г. в русском походе солдат и офицеров Наполеона были постоянные запросы о розыске отдельных солдат и офицеров Великой армии, инициировавшиеся чаще всего их родственниками.

Так, в июле 1825 г. нидерландский поверенный в делах барон Геккерн запрашивал подтверждение о смерти в плену в виленском госпитале Иоганна Якоба Стокума, служившего при госпитале Главного штаба французской армии¹⁴³. В том же году по запросу супруги российские власти проводили поиск сведений о пропавшем Филиппе Августе Терезе Мазете, служившем поручиком в 4-м батальоне 8-го полка легкой пехоты и попавшем в плен 9 ноября 1812 г.¹⁴⁴. В 1826 г. Геккерн просил выяснить, жив ли взятый в плен в 1812 г. Дерк де Фриз, служивший в 4-м уланском полку французской армии¹⁴⁵. Ни о ком из них никаких сведений не нашлось. В том же 1826 г. году французский посол граф де ла Ферроне также подал несколько запросов. В одной ноте шла о доставлении сведений о смерти Петра Иосифа Ганнона, который в 1813 г. был взят в плен, препровожден в Нарву, а оттуда в июле того же года в Новгород, где и умер. Однако новгородская полиция в ответ на запрос донесла, что *«по учиненному ею разведанию того Ганнона никто из обывателей Новгорода не знал и полиции неизвестно, был ли он здесь в городе в числе пленных, равно где именно и когда помер»*. Удивительно, что об обращении к каким-либо архивным материалам в ответе новгородского губернатора нет ни слова¹⁴⁶. Другая нота касалась судьбы Пьера Этьена Гиацинта Селие, служившего лекарем в 106-м пехотном полку французской армии и добровольно оставшегося в Вильне. Помимо лечения больных при госпитале Св. Клары, он преподавал французский язык и намеревался остаться в России, но дальнейшие следы его терялись. Виленские власти тоже, не обращаясь к архивам, ограничились формальным полицейским расследованием. В городе Селие не нашли, *«и чтобы он имел здесь когда-либо пребывание»* никому из жителей не было известно, равно как никто не помнил о существовании госпиталя Св. Клары¹⁴⁷. В третьей ноте Ферроне просил о розыске пропавшего в 1812 г. без вести бригадного генерала Дени Этьена Серона, который, как полагали родственники, был взят в плен, отправлен в Сибирь, *«где вероятно, и ныне находится»*¹⁴⁸. В том же 1826 г. к Нессельроде обратился австрийский посланник с запросом об участии тосканского подданного Горация Тоски, который по сведениям родственников, был взят в плен в 1812 г. и все еще жил в Казани, занимаясь

портняжным мастерством. Искали его в связи с причитавшимся наследством¹⁴⁹. Ни о Сероне, ни о Тоске никаких сведений также не нашлось. 28 февраля 1829 г. министр внутренних дел А. А. Закревский по инициативе французского поверенного в делах П. Бургоэна направил губернаторам циркулярное предписание доставить сведения о Жане Жорже Демазе (Jean George Demazes), который служил во 2-й роте 2-го эскадрона 6-го конно-егерского полка французской армии и умер в 1812 г. неизвестно в какой губернии¹⁵⁰. 7 марта 1829 г. Закревский разослал по инициативе Геккерна такое же предписание о поиске Жана Петра Местропа, родившегося в Гааге в 1789 г., служившего в 3-м гренадерском полку французской гвардии и 12 сентября 1812 г. взятого в плен¹⁵¹.

В начале 1835 г. французский посол в России маркиз Мезон обратился в МИД с очередной нотой по вопросу о судьбе пленных, оставшихся в России. Посол сообщал, что недавно во Францию возвратился бывший наполеоновский солдат, который в России содержался в тюрьме. Солдат этот рассказывал, что на обратном пути во Францию, когда стало известно о побеге Наполеона с Эльбы, его вместе с другими пленными отправили назад и сослали в Сибирь, где заставляли работать на рудниках. При его отъезде из Сибири (за полтора года до ноты, т. е. на середину 1833 г.) там якобы находились от 1000 до 1200 французских подданных, которые все еще трудились в рудниках, желали возвратиться на родину, но не имели даже возможности связаться с ней. Мезон просил в очередной раз «*учинить разыскание*» и дать возможность посольству содействовать возвращению желающих на родину¹⁵². Нессельроде, препровождая 7 февраля 1835 г. министру внутренних дел Д. Н. Блудову текст ноты, и заметив, что справки, сделанные МВД в 1824 г. «*достаточно убеждают в неосновательности дошедшего ныне до французского правительства известия*», просил все же «*сделать нужные сношения и уведомить*» его о результатах¹⁵³. Однако, МВД, видимо занятое более срочными делами, не торопилось с ответом. Лишь 2 августа генерал-губернаторам Западной и Восточной Сибири были отправлены запросы о повторном сборе сведений, хотя в них и выражалось сомнение в их результативности¹⁵⁴. 6 ноября исправляющий должность генерал-губернатора Восточной Сибири С. Б. Броневский сообщил, что «*по вернейшей выprawке*» начиная с 1823 г. ссыльных из французов пленных ни в каторжную работу, ни на поселение не поступало¹⁵⁵. Однако Блудова такой ответ не устроил, и 31 декабря 1835 г. он потребовал прислать сведения «*о всех вообще... французских пленных, желающих и имеющих право возвратиться в свое отечество*»¹⁵⁶. В ответ Броневский 4 июля 1836 г. сообщил, что и дополнительные «*строжайшие разыскания*» ничего не дали¹⁵⁷. Поиски в Западной Сибири оказались не столь бесплодны. Председательствующий в Совете главного управления Западной Сибири 21 марта 1836 г. донес, что хотя в Тобольской губернии и Омской области пленных французов не обнаружено, управляющий Томской губернией представил список из 4 человек бывших французских пленных, сосланных в Сибирь за разные преступления. Они находились в работе на Боготомском и

Краснореченском винокуренных заводах и впоследствии были освобождены «на собственное пропитание». При донесении был приложен именной список каторжников с краткими сведениями о них. Первым значился Антон Иоганн, 61 года, осужденный за смертоубийство в каторжную работу; он поступил на завод 21 марта 1816 г. и освобожден на собственное пропитание 14 января 1829 г. Находясь в Сибири он женился на Марье Дворцовой, 37 лет, происходившей из помещичьих крестьян Полтавской губернии, которая за умышленный поджег господского дома была наказана кнутом и отправлена на каторгу; она попала на завод в 1820 г. и отпущена вместе с мужем в 1829 г. У этой пары были дети: Степан 6 лет, Андрей 3 лет, Ирина 12 лет и Пелагея 7 лет. Далее в списке был назван Николаус Келлер, 49 лет, осужденный за смертоубийство в Иркутск в работу; он оказался на заводе 16 марта 1816 г., и отпущен 15 июня 1824 г. Следующим был Генрих Бене, 44 лет, наказанный «за изрубление» саратовского помещика Смирнова; поступил на завод 6 марта 1816 г., отпущен 30 января 1829 г. Завершал список Генрих Кержи, 49 лет, осужденный за то же самое преступление; он поступил на завод 10 июня 1820 г. и был отпущен 29 сентября 1826 г.¹⁵⁸. Двое последних уже фигурировали в материалах расследования 1828 г. с той лишь разницей, что в вину им вменялось убийство саратовского мещанина.

В 1836 г. французский посол барон Барант просил Нессельроде доставить сведения об участии взятого в плен в 1813 или 1814 гг. Адольфа Дюпона, служившего в 3-м полку французской гвардии. Одновременно Барант напомнил и о ходатайстве своего предшественника годичной давности. Все это было сообщено Нессельроде Блудову в отношении от 16 июля 1836 г.¹⁵⁹. В ответ 29 августа Блудов сообщил о результатах розысков в Сибири, отметив, что по его мнению, на осужденных за преступления по суду четырех упомянутых выше каторжников высочайшая воля о возвращении пленных в отечество, по силе ст. 173 Свода законов уголовных, не распространяется¹⁶⁰.

В том же 1836 г. французское посольство запросило список всех французов, принявших русское подданство с 1813 по 1827 гг., что несомненно было связано и с проблемой пленных. Об этом требовании вице-канцлер К. В. Нессельроде 6 марта 1836 г. сообщил начальнику III Отделения А. Х. Бенкендорфу, в компетенцию которого входил надзор за жившими в России иностранцами. Французы просили представить сведения об имени, звании присягнувших на подданство лиц, а равно о ремесле, месте рождения, времени прибытия в Россию «с отделением принявших присягу на верность вечного подданства от тех, которые учинили оное на ограниченное лишь время». Сообщая 12 марта об этом требовании министру внутренних дел Блудову, Бенкендорф просил предписать начальникам губерний направить соответствующие данные в III Отделение. Вместе с тем шеф жандармов отметил, что нужные сведения уже получены им от санкт-петербургского и московского генерал-губернаторов¹⁶¹. 24 марта министр внутренних дел издал соответствующее циркулярное предписание начальникам губерний¹⁶². Однако в полном объеме донесения начальников губерний, которые они

присылали вплоть до второй половины 1837 г., нам пока не известны. В архиве III Отделения соответствующего дела пока найти не удалось, а в МВД большинство руководителей губерний сообщили лишь о самом факте исполнения предписания. Однако некоторые губернаторы сообщили кое-какие подробности и Блудову. Так московский военный генерал-губернатор препроводил ему ведомость от 1 марта об иностранцах, живущих в Москве и Московской губернии. По ней значилось 3229 человек, были показаны данные по подданству и по профессиям. Больше всего было пруссаков – 710, за ними шли французы (456), великобританцы, (317), австрийцы (286), саксонцы (222), швейцарцы (195), нидерландцы (104), гамбургцы (83), баварцы, мекленбуржцы и шведы (по 69), датчане (67), поляки (65), итальянцы (50), ганноверцы (49), почему-то астраханские армяне (48), баденцы (48) и уроженцы Любека (42); представителей прочих государств было еще меньше. Из всей этой массы больше всего было лиц, находящихся в частных домах при разных должностях (678), затем шли ремесленники (374), фабриканты и мастера на фабриках (360), *«живущие своим капиталом»* (266), купцы, коммерсанты и купеческие приказчики (229), артисты, художники, врачи и аптекари (147), экзаменованные учителя (141) и наконец 4 путешественника; кроме того числилось 1030 жен и детей¹⁶³. Однако кто из них как попал в Россию, из документа неясно. Существующее в современной историографии мнение о том, что из этих 3229 чел. *«значительную часть составляли бывшие пленные из армии Наполеона либо их дети»* никакими аргументами не подкреплено. 21 марта 1836 г. волынский гражданский губернатор в соответствии с циркулярным предписанием министра внутренних дел от 12 октября 1832 г. препроводил ведомость (отсутствующую в деле) об иностранцах, присягнувших на подданство России после объявления им постановления австрийского правительства¹⁶⁴. А 19 июня он же сообщил, что по собранным сведениям в губернии находятся 751 иностранец мужского пола и 555 женского, не принявших присягу (приложенной ведомости опять же нет в деле). Все они занимались разными ремеслами, *«состоят в хозяйственных должностях у помещиков и в услуге»*, а *«сверх того немногие пользуются правом образования юношества и медицинскими званиями»*¹⁶⁵. Однако сколько из них бывших пленных также непонятно. Калужский губернатор 10 июля донес в III Отделение о проживающем в губернии принявшем присягу французу Любероле¹⁶⁶. Об отсутствии на жительстве присягнувших с 1813 по 1827 гг. французов сообщили власти из Омска, Якутска, из Олонецкой, Псковской, Енисейской и Томской губерний¹⁶⁷. 24 августа 1837 г. нижегородский вице-губернатор донес, что во вверенной ему губернии живет только один такой француз. Это был военнопленный Жан Гавреес (Jean Havries), родившийся во Франции в городе Льеж и присягнувший в Нижнем Новгороде 9 апреля 1815 г.¹⁶⁸. В Воронеже в 1836 г. жил комиссионер 9-го класса воронежского комиссариатского депо Карл Иванов сын Журдан (Jean Charles Aristis de Jourdan)¹⁶⁹. Еще 28 марта 1816 г. Комитет министров разрешил прожившему в Курске Журдану по ходатайству гражданского губернатора вступить в

подданство и жениться на дочери тамошнего танцмейстера Меранвиля. Губернатор отзывался о нем «с хорошей стороны». Журдан вступил старшим сержантом в национальную гвардию в январе 1813 г. и был взят в плен 28 августа того же года при Гольдеберге в Силезии уже подпоручиком 135-го линейного полка¹⁷⁰. Он родился во Франции в 1793 г., принял присягу на вечное подданство в Курске 28 апреля 1816 г. К 1836 г. он был женат на российской подданной по имени Наталья и имел сына Николая, а также дочерей Софию, Александру и Марью, исповедовавших православие. Двое других французов, значащихся по воронежскому списку прибыли в Россию уже после окончания наполеоновских войн¹⁷¹.

В 1839 г. в одной из французских газет («Le Courier du Bas Rhin») появилась статья, основанная на показаниях еще одного бывшего пленного, якобы бежавшего из Сибири. Автор статьи обвинял в несоблюдении договоров 1814 и 1815 гг. об освобождении пленных Россию, которая будто бы *«не хотела озаботиться возвращением из Сибири сих несчастных, находящихся там еще в плену»*. *«Немалое число наших старых и заслуженных воинов Великой армии, стелющихся еще в глубине отдаленности ее – говорилось в статье, - состоят там еще в заключении, что по всей справедливости может называться нарушением прав рода человеческого»*. Побег из Сибири сопряжен *«с толикими опасностями, что нет возможности покушаться на таковой»*, и лишь очень немногим удается возвратиться на родину. Один из них, прибывший недавно во Францию некто Мейер, бывший вольтижер 23-го линейного полка будто бы провел в сибирском заключении 27 лет. Он был взят при Березине и вместе с другими 1500 пленными отправлен в Сибирь, где в Паскове, между Сургутом и Марово, был отдан помещику во владение *«для употребления в тягчайшие работы как вьючное животное к совершенному... истязанию»*. Вернувшейся Мейер рассказал о своих злоключениях префекту Нижнего Рейна, и по мнению автора статьи пережитые страдания *«дают ему полное право возмездия и вознаграждения правительства»*. Помимо прочего Мейер утверждал, что в Паскове, осталось еще 26 *«подобных ему пленных»* и назвал имена пяти из них (Иосиф Мейер, Антон Мейер, Яков Кюрас, Сенгаш и Иоанн Мергуа). Завершалась статья призывом правительства предпринять все нужные меры к освобождению соотечественников¹⁷². В связи с появлением этой статьи 8/20 июня 1839 г. Барант направил в российский МИД ноту. В ней он справедливо отмечал, что многочисленные распоряжения российского правительства о возвращении пленных и сделанные позднее *«разыскания»* *«должны бы самым легковверным служить достоверным доказательством против всяких вымышленных слухов и соблазна неблагомыслящих»*. Однако, он учитывал и настроения французского общества. *«Семейства, в продолжении войны лишившиеся своих близких родных и донныне пребывающие еще в неизвестности и недоумении о существовании их или приключившейся им смерти, - писал Барант, - неохотно отвергают надежду когда-либо достигнуть еще вернейших известий о судьбе таковых, и посему малейший в том прирзак*

питают ныне новую надежду к открытию сведений о них. Такова всегда бывает склонность чувств слабых душ». Посол предвидел новые обращения родственников и просил в очередной раз прислать сведения об оставшихся в Сибири пленных¹⁷³. Препровождая копию с этой ноты новому управляющему Министерством внутренних дел А. Г. Строганову, Нессельроде просил проверить содержащиеся в статье сведения¹⁷⁴. Направляя соответствующий запрос генерал-губернатору Западной Сибири, Строганов отмечал, что ни местечка Пасквы, ни деревни Марово в Сибири не существует; однако предполагая, что речь может идти о селении Пимска и деревне Самаровой, просил произвести расследование¹⁷⁵. Однако как сообщил 5 января 1840 г. в МВД председатель Главного управления Западной Сибири, все поиски оказались безрезультатными¹⁷⁶.

Все эти многочисленные запросы, конечно, раздражали чиновников Министерства внутренних дел. 5 октября 1842 г. новый министр Л. А. Перовский, предвидя еще один цикл переписки в связи с публикацией в немецкой газете «Allgemeine Zeitung» очередной статьи о якобы остающихся в Сибири пленных (как всегда со ссылкой на рассказ одного из них только что вернувшегося), обратился к Нессельроду с предложением напечатать в одной из иностранных газет опровержение. Для этого на материалах сохранившихся дел была составлена особая записка, которая по мысли Перовского должна была составить основу такой статьи¹⁷⁷. В записке излагались основания, на которых пленные размещались по российским губерниям и привлекались на работы, категорически опровергались факты отправки пленных (кроме поляков) в Сибирь, а также описывалась история поиска пленных в Сибири в 1820-1830-х гг.¹⁷⁸. Однако было ли реализовано предложение Перовского, нам не известно.

Настойчивые домогательства французских дипломатов относительно судьбы французских пленных в России надолго запомнились чиновникам российского Министерства иностранных дел. Осенью 1856 г. французский консул в Одессе попросил предоставить информацию о французских пленниках умерших и оставшихся на юге России после завершения Крымской войны. В отзыве А. М. Горчакова по поводу этого требования говорилось, что к доставлению подобных сведений иностранным правительствам *«должно бы показывать особенную готовность»*, а также *«принять самые деятельные меры к их собранию» «в отвращение жалоб и нареканий, коим мы подвергались после окончания прежних войн»*¹⁷⁹.

В заключение подчеркнем, что несмотря на несовершенство учета и лакуны в документальных данных об оставшихся в России после войн 1812-1814 гг. пленниках, обусловленные плохой сохранностью архивов, совокупность существующих источников позволяет утверждать, что число таких пленников было ограничено и вряд ли существенно превышало две-три тысячи человек. Имея в виду существовавший паспортный и полицейский контроль за населением, не следует произвольно существенно увеличивать эту цифру. Во всяком случае доказать обоснованность такого увеличения на сегодняшний день не представляется возможным.

Поскольку большинство пленных после завершения наполеоновских войн вернулись на родину, говорить о сколько-нибудь продолжительном влиянии пленных наполеоновских солдат и офицеров на российское провинциальное общество невозможно. Глубоким и интенсивным оно могло быть только в 1813 г. (когда пленные достигли мест назначения) и в 1814 г. (когда в основном был завершен процесс репатриации). О характере влияния оставшихся после 1816 г. – в первую очередь на процесс образования и воспитания молодых дворян – на основании алфавита судить трудно, однако с учетом того, что большая часть пленных принадлежала к нижним чинам и оказалась зачислена в податные сословия, думается, преувеличивать его тоже не стоит.

Характерно, что значительная часть незаконно или бесконтрольно живших на территории Российской империи пленных находилась в западных губерниях. Это было обусловлено как симпатиями значительной части населения этих губерний к Наполеону, так и тем, что часть этих пленных были сами поляками, то есть оказались в своей национальной среде. Об этом свидетельствует высочайшее соизволение на предание военному суду вместо гражданского лиц, уличенных в укрывательстве оружия и пленных в Минской губернии, что было оформлено указом от 8 июля 1813 г.¹⁸⁰.

Вместе с тем, глубокая травма, полученная в результате гибели Великой армии европейским обществом, прежде всего французским, давала повод к постоянным слухам о якобы оставшихся и насильно удерживавшихся в далекой Сибири пленниках, а также к соответствующим запросам, направлявшимся через дипломатические миссии вплоть до 1840-х гг. Этим слухам способствовал и постоянный поток пленных, возвращающихся из России на родину. Известный и довольно добросовестный мемуарист граф К. Ведель хотя и отмечал, что благодаря правительственной политике по отношению к пленным множество наполеоновских солдат осталось в России, но одновременно утверждал: *«Из всего, что я видел и слышал в России, а также из того, что я узнал от других вернувшихся на родину пленных, я вынес убеждение в том, что ни один пленный не был задержан в России против своей воли. Но были, правда, и такие, кто добровольно остался в России, затем разочаровался в принятом решении, нашел возможность для возвращения на родину и рассказывал там ужасные истории о насилии, которому подвергались пленные и об остававшихся в России, томлящихся в тяжелой неволе товарищах, чтобы тем самым подвигнуть доверчивых собеседников к вспомоществованию»*¹⁸¹.

Впрочем, сделать более точные выводы, как о численности, так и о влиянии бывших солдат Наполеона на экономику и культуру страны, а также о других аспектах их жизни в России, возможно только при детальном изучении конкретных судеб военнопленных-эмигрантов на основе материалов провинциальных архивов.

-
- ¹ Горький М. Детство. В людях. Мои университеты. Л., 1981. С. 61-63.
- ² Сироткин В. С. Наполеон и Россия. М., 2000. С. 177-219.
- ³ Сахаров И. П. Мои воспоминания // Русский архив. 1873. № 6. С. 904
- ⁴ Бессонов В. А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. IV / Труды Государственного исторического музея. Вып. 147. М., 2005. С. 49-80; *Сироткин В. Г.* Судьба французских солдат в России после 1812 г. // Вопросы истории. 1974. № 3. С. 129–136.
- ⁵ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 38. Л. 258-259.
- ⁶ Там же. Лл. 421-422.
- ⁷ ПСЗ I. Т. XXXII. № 25415.
- ⁸ Бессонов В. А. Законодательная база... С. 63.
- ⁹ РГИА.. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 46. Л. 202 об.
- ¹⁰ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 82. Л. 12.
- ¹¹ РГИА .Ф. 1263. Оп. 1. Д. 46. Л. 205.
- ¹² РГИА .Ф. 1263. Оп. 1 Д. 45. Л. 88-89.
- ¹³ Бессонов В. А. Законодательная база... С. 63-64; ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 82. Л. 92 об.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 46. Л. 191.
- ¹⁵ Там же. Л. 192-193.
- ¹⁶ Там же. Л. 193-197.
- ¹⁷ Там же. Л. 198-201.
- ¹⁸ Там же. Л. 191.
- ¹⁹ Там же. Л. 203-205.
- ²⁰ Там же. Л. 306-309.
- ²¹ Там же. Л. 206-209.
- ²² Бессонов В. А. Законодательная база... С. 64
- ²³ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 82. Л. 147.
- ²⁴ РГИА .Ф. 1263. Оп. 1. Д. 59. Л. 246-248.
- ²⁵ Бессонов В. А. Законодательная база... С. 68.
- ²⁶ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 44. Л. 446-448.
- ²⁷ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 82. Л. 36.
- ²⁸ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 63. Л. 526; РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1289. Л. 33.
- ²⁹ Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами Т. 14 Спб., 1905. Док №505. С. 222; Док. №506. С. 230-231.
- ³⁰ Бессонов В. А. Законодательная база... С. 70.
- ³¹ Бессонов В. А. Законодательная база... С. 72; РГИА .Ф. 1263. Оп. 1. Д. 61. Л. 562; РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1289. Л. 30.
- ³² Бессонов В. А. Законодательная база... С. 72.
- ³³ РГИА .Ф. 1263. Оп. 1. Д. 63. Л. 393.
- ³⁴ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 65. Л. 242-243.
- ³⁵ Бессонов В. А. Законодательная база... С. 72.
- ³⁶ РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. 1834 г. Д. 41. Л. 15-16; РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1835 г. Д. 415. Л. 70.
- ³⁷ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 82. Л. 29.
- ³⁸ Там же. Л. 162, 163.
- ³⁹ РГИА.. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 60. Л. 565-566.
- ⁴⁰ Там же. Л. 566-567.
- ⁴¹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 863. Л. 68-69.
- ⁴² РГИА.. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 776. Л. 28 об.
- ⁴³ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 863. Л. 93-94.
- ⁴⁴ РГВИА. Ф. ВУА . Д. 542 Л. 84.
- ⁴⁵ Там же. Л. 85-87.
- ⁴⁶ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3103. Л. 3.
- ⁴⁷ Там же. Л. 1.
- ⁴⁸ Там же. Л. 2.
- ⁴⁹ Там же. Л. 4.

-
- ⁵⁰ Бессонов В. А. Потери Великой армии в Отечественной войне 1812 года (к вопросу определения численности военнопленных) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. / Труды Государственного исторического музея. Вып. 132. М., 2002. С. 174.
- ⁵¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 657. Л. 130.
- ⁵² Там же. Л. 130 об. - 131.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 3. Д. 8. Л. 1.
- ⁵⁴ Халдин Н. А. Вступительная статья // Симонич И. О. Воспоминания полномочного министра. М., 1967. С. 9.
- ⁵⁵ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 2448. Л. 1,3.
- ⁵⁶ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 91. Л. 228-229.
- ⁵⁷ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 124. Л. 101 об. -103.
- ⁵⁸ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 94. Л. 97.
- ⁵⁹ РГИА.. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 61. Л. 312 об. – 313.
- ⁶⁰ РГИА.. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 101. Л. 419.
- ⁶¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1835 г. Д. 415. Л. 78
- ⁶² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 99. Л. 308-312.
- ⁶³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 100. Л. 99 об. – 102.
- ⁶⁴ Там же. Л. 102-103.
- ⁶⁵ Бессонов В. А., Попов А. И. «Временный генерал» Жак Бойе // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2001. С. 24.
- ⁶⁶ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 2448. Л. 1, 3.
- ⁶⁷ РГИА.. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 657. Л. 131-131 об.
- ⁶⁸ РГИА. Ф. 1263 Оп. 1. Д. 96. Л. 54.
- ⁶⁹ Там же. Л. 54.
- ⁷⁰ ГАЯО. Ф. 79. Оп. 5. Д. 66. Л. 17.
- ⁷¹ Там же. Л. 1, 6, 8, 10 об.
- ⁷² Халдин Н. А. Вступительная статья... С. 9.
- ⁷³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1836 г. Д. 222. Л. 26.
- ⁷⁴ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 967. Л. 2.
- ⁷⁵ Там же. Л. 5.
- ⁷⁶ Там же. Л. 8.
- ⁷⁷ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 91. Л. 228-229.
- ⁷⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1836 г. Д. 222. Л. 36.
- ⁷⁹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 94. Л. 97.
- ⁸⁰ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 189. Л. 1
- ⁸¹ РГИА.. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 101. Л. 419.
- ⁸² РГИА.. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1289. Л. 1-2.
- ⁸³ Там же. Л. 2 об.
- ⁸⁴ Там же. Л. 10-11.
- ⁸⁵ Там же. Л. 40-41.
- ⁸⁶ Там же. Л. 36, 49, 50.
- ⁸⁷ Там же. Л. 6а.
- ⁸⁸ Там же. Л. 52.
- ⁸⁹ Там же. Л. 52.
- ⁹⁰ Там же. Л. 52.
- ⁹¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 780. Л. 1-3.
- ⁹² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 784. Л. 1-7.
- ⁹³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 786. Л. 1-7.
- ⁹⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 792. Л. 792. Л. 1-2.
- ⁹⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 793. Л. 4, 7, 10, 13.
- ⁹⁶ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 794. Л. 1.
- ⁹⁷ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 798. Л. 1-5.
- ⁹⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 801. Л. 1.
- ⁹⁹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 790. Л. 1, 2, 5-18.
- ¹⁰⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 790. Л. 18-19, 25, 32-33.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 38-42.

-
- ¹⁰² РГИА. Ф. 758. Оп. 15 Д. 101. 19, 21, 54, 54а.
- ¹⁰³ РГИА.. Ф. 1286. Оп. 6. 1835 г. Д. 415. Л. 71-74.
- ¹⁰⁴ РГИА.. Ф. 1149. Оп. 1. 1834 г. Д. 41. Л. 6.
- ¹⁰⁵ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 94. Л. 97.
- ¹⁰⁶ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 863. Л. 145.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 147.
- ¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 189. Л. 1, 2, 4.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 3 – 3 об.
- ¹¹⁰ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1289. Л. 34.
- ¹¹¹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 2448. Л. 1.
- ¹¹² Там же. Л. 3.
- ¹¹³ ПСЗ Т. XXXIX. № 29921.
- ¹¹⁴ РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. 1834 г. Д. 41. Л. 11.
- ¹¹⁵ РГИА .Ф. 1282. Оп. 1. Д. 785. Л. 1, 2, 5.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 9-14.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 15-16.
- ¹¹⁸ РГИА .Ф. 1149. Оп. 1. 1834 г. Д. 41. Л. 17.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 3 об.-4.
- ¹²⁰ Там же. Л. 4-5.; подробнее см: Новое о легендарном Савене / Публикация, предисловие и комментарии В. П. Тотфалушина // Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография. Вып. III. / Труды Государственного исторического музея. Вып. 142. М., 2004. С. 233–236.
- ¹²¹ РГИА .Ф. 1149. Оп. 1. 1834 г. Д. 41. Л. 5-7.
- ¹²² Там же. Л. 7-10.
- ¹²³ Там же. Л. 10.
- ¹²⁴ Там же. Л. 17об.-18.
- ¹²⁵ Там же. Л. 18.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Там же. Л. 19-23.
- ¹²⁸ Там же. Л. 1-2.
- ¹²⁹ Там же. Л. 26.
- ¹³⁰ Там же. Л. 24.
- ¹³¹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 863. Л. 139.
- ¹³² Там же. Л. 140.
- ¹³³ Там же. Л. 141, 143.
- ¹³⁴ Bourgoing P. Le prisonnier en Russie. Paris, 1815; Bourgoing P. Der Gefangene in Russland. Leipzig, 1815; Bourgoing P. Der Gefangene in Rußland. Eine Geschichte aus den merkwürdigen Jahren 1812, 1813 und 1814. Wien, 1816; Bourgoing P. Der Gefangene in Rußland. Eine Geschichte aus den merkwürdigen Jahren 1812, 1813 und 1814. Frankfurt, 1816.
- ¹³⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1835 г. Д. 415. Л. 7, 78.
- ¹³⁶ РГИА .Ф. 1263 Оп. 1 Д. 366. Л. 76 об.
- ¹³⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1835 г. Д. 415. Л. 1.
- ¹³⁸ РГИА .Ф. 1263. Оп. 1 Д. 366. Л. 76 об. -77.
- ¹³⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1835 г. Д. 415. Л. 8.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 71-74.
- ¹⁴¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 14. 1 отд. 1 стол. 1829 г. Д. 23. Л. 1.
- ¹⁴² Там же. Л. 2-3.
- ¹⁴³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 789. Л. 1, 5.
- ¹⁴⁴ РГИА .Ф. 1282. Оп. 1. Д. 788. Л. 1, 2.
- ¹⁴⁵ РГИА .Ф. 1282. Оп. 1. Д. 795. Л. 1, 2.
- ¹⁴⁶ РГИА.. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 796. Л. 1, 5.
- ¹⁴⁷ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 802. Л. 1, 5.
- ¹⁴⁸ РГИА.Ф. 1282. Оп. 1. Д. 800. Л. 1,2.
- ¹⁴⁹ РГИА.. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 799. Л. 1, 6.
- ¹⁵⁰ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 2451. Л. 1.
- ¹⁵¹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 2452. Л. 2.
- ¹⁵² РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1835 г. Д. 415. Л. 2-3.

-
- ¹⁵³ Там же. Л. 1.
¹⁵⁴ Там же. Л. 8-9.
¹⁵⁵ Там же. Л. 13.
¹⁵⁶ Там же. Л. 14.
¹⁵⁷ Там же. Л. 23.
¹⁵⁸ Там же. Л. 15-16.
¹⁵⁹ Там же. Л. 21.
¹⁶⁰ Там же. Л. 36-37.
¹⁶¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1836 г. Д. 222. Л. 1.
¹⁶² Там же. Л. 4.
¹⁶³ Там же. Л. 7 об. – 9.
¹⁶⁴ Там же. Л. 10.
¹⁶⁵ Там же. Л. 19.
¹⁶⁶ Там же. Л. 20.
¹⁶⁷ Там же. Л. 22, 28,32, 34, 37.
¹⁶⁸ Там же. Л. 36.
¹⁶⁹ Там же. Л. 26.
¹⁷⁰ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 93. Л. 471.
¹⁷¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1836 г. Д. 222. Л. 26.
¹⁷² РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1835 г. Д. 415. Л. 57-59.
¹⁷³ Там же. Л. 56 -56 об.
¹⁷⁴ Там же. Л. 52.
¹⁷⁵ Там же. Л. 59-60
¹⁷⁶ Там же. Л. 62.
¹⁷⁷ Там же. Л. 77.
¹⁷⁸ Там же. Л. 69.
¹⁷⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 17. Д. 244. Л. 1, 6.
¹⁸⁰ ПСЗ. Т. 32. № 25416
¹⁸¹ Wedel С. А. W. Geschichte eines Offiziers im Kriege gegen Russland 1812, in russischer Gefangenschaft 1813 bis 1814, im Feldzug gegen Napoleon 1815... Berlin, 1897. S. 196-197.